

Лили же
мышь
под
судом

Перед читателем старый-престарый сюжет — суд за воровство. Только это случилось вроде бы в какой-то «сказочной» стране, где действуют и духи, и звери, и небожители, где перемешалось реальное и фантастическое. Читатель невольно поддается иллюзии реальности происходящего. Эффект удаления в «иную землю» удался.

Мы встречаемся в повести с давно знакомыми персонажами сказок: Мышью, Кошкой, Ослом, Оленем... Что странного в том, что Мышь враждует с Кошкой? Но в персонажах живет и их второй образ: в каждом звере угадываются черты человека. Поэтому действие сразу приобретает остроту. Эта острота обусловлена характерами, — ведь мы еще ничего не знаем об идее. Дидактическая сентенция ослабила бы впечатление.

Но и это еще не все. Персонажи повести взяты не столько из привычного нам мира природы, сколько из художественной, философской и религиозной литературы Дальнего Востока.

- [Лим Чже](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [МЫШЬ ПОД СУДОМ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
-

ПРЕДИСЛОВИЕ

Случилось, что старая хитрая Мышь извела столетние запасы риса в Королевской кладовой. Провинность немалая! Стали Мышь судить. Восемьдесят четыре свидетеля допросил Дух — хранитель кладовой, прежде чем решил наконец строго наказать виновницу. Вот и вся история.

Перед читателем старый-престарый сюжет — суд за воровство. Только это случилось вроде бы в какой-то «сказочной» стране, где действуют и духи, и звери, и небожители, где перемешалось реальное и фантастическое. Читатель невольно поддается иллюзии реальности происходящего. Эффект удаления в «иную землю» удался.

Мы встречаемся в повести с давно знакомыми персонажами сказок: Мышью, Кошкой, Ослон, Оленем... Что странного в том, что Мышь враждует с Кошкой? Но в персонажах живет и их второй образ: в каждом звере угадываются черты человека. Поэтому действие сразу приобретает остроту. Эта острота обусловлена характерами, — ведь мы еще ничего не знаем об идее. Дидактическая сентенция ослабила бы впечатление.

Но и это еще не все. Персонажи повести взяты не столько из привычного нам мира природы, сколько из художественной, философской и религиозной литературы Дальнего Востока.

Перед нами не просто Бабочка, а та, которую видел когда-то во сне знаменитый философ Древнего Китая Чжуан-цзы, тот Заяц, который в тесном родстве с Лунным Зайцем, толкущим в ступе лекарство бессмертия, тот Ворон, который в представлении китайцев символизировал солнце.

Все восемьдесят четыре свидетеля могут похвастать своей родословной, что они и делают. И в этом тоже нет ничего удивительного — ведь в повести звери как люди, а людей в

средневековой Корее, как и во многих других странах, ценили по заслугам их предков. Неизвестно, имел ли в виду писатель современников, был ли в каждом из персонажей намек на тот или иной феодальный дом, кичащийся своей древностью, но такое предположение возможно.

Герои повести пришли к нам со страниц философских, религиозных, исторических и литературных трактатов. Поэтому ясно, что за разными образами стоят различные философские системы. Так, говоря об удивительном по своему виду, мягкости и незлобivosti характера мифическом звере Единороге, автор намекает на конфуцианство.

А вот другой зверь — Лев. Он не водился никогда ни в Корее, ни в Китае. О нем узнали народы Дальнего Востока от своих западных соседей, и даже само слово лев — «шицзы» — по-китайски или «сачжа» — по-корейски — пришло из далекого Ирана. Из тех же западных краев проник в Китай и Корею и буддизм, родившийся в Индии. Буддисты чтили льва как священного зверя. С ним сравнивали Будду, поэтому и в повести он выступает как животное, связанное с буддийской религией. Но за века сосуществования буддизма с коренными религиями и учениями Дальнего Востока буддизм вобрал в себя многое из народных верований. Что же тут удивительного, если буддийский Лев хвалится своим происхождением от мифического зверя Боцзэ которого в средние века изображали на одежде и знаменах похожим на льва.

Олень и Журавль — священные животные даосов. Такими они и выступают в повести. Даосизм, возникший в VI–IV вв. до н. э. как философское учение, превратился впоследствии в своеобразную религию, вобравшую в себя массу народных поверий и легенд. Даосы проповедовали уход от мирской суеты, искали лекарство бессмертия. Народ связывал с даосами легенды о бессмертных святых, которые ездят по небу на журавлях и которым прислуживают олени.

Некоторые персонажи повести как будто не являются носителями какой-либо философии, но о них говорится в трудах представителей той или иной школы.

Интересен главный образ повести — образ старой Мыши. Мышь прожорлива и съела весь запас королевского риса, предназначенный для раздачи народу в год неурожая. И она сродни то Большой Мыши, о которой пели китайцы две с половиной тысячи лет назад:

Большая Мышь. Большая Мышь.
Не ешь наше просо!

Под Мышью, как считают современные исследователи, подразумевались эксплуататоры, присваивавшие плоды чужого труда. На эту песню, дошедшую до нас в древнейшем памятнике китайской литературы — «Книге песен» («Шицзине»), намекает сама Мышь, когда говорит: «Поэты древности писали обо мне».

Из истории Кореи известно, что в начале XVI века, незадолго до того, как была написана повесть, группа корейских ученых-конфуцианцев выступила против расхитителей казны и чиновников-лихоимцев, захвативших фактическую власть в стране. Можно предположить, что против таких чиновников направил острие своей сатиры и Лим Чже. Однако неправильно было бы видеть идею повести только в этой сатире.

Прочтите повесть внимательно — и вы с некоторым удивлением обнаружите, что Мышь не вызывает у вас безоговорочной неприязни. Она чем-то симпатична вам. Но чем? Ее устами, как это ни странно на первый взгляд, выражает свои идеи автор, автор безжалостный и умный, намного более дальновидный, чем те ученые, которые боролись лишь против казнокрадов и взяточников. Писатель показывает нам, что все три учения, пришедшие в Корею из других стран,

схоластичны и противоречивы. Никто из персонажей повести, за которыми стоят три философии, три религии, не безгрешен. Лим Чже намекает на пустословие и никчемность конфуцианских догм, говорит о том, что авторитеты, на которые в полном смысле слова молились веками, ничего не стоят. Например, когда речь идет о Единороге, Мышь, ловко ссылаясь на знаменитую фразу Конфуция «поймали Единорога», заявляет: «Много есть на свете созданий, слава о мнимых добродетелях которых непомерно раздута!» Уже более прямо Мышь говорит о буддизме: «Пустыми лживыми словами буддизм лишь смущает народ, заставляя его поклоняться идолам». Рассуждение о никчемности даосизма автор вкладывает в уста Духа — хранителя кладовой: «Вот, скажем, даосы: скрываются они в лесах и горах, народу и стране от них пользы никакой!» Эта мысль возникает у судьи под влиянием речи Мыши. Так Мышь-воровка становится и Мышью-разоблачительницей.

Когда две тысячи лет назад известный китайский историограф Сыма Цянь писал «Исторические записки», он после каждого жизнеописания или описания царствования императора делал краткое резюме, которое начиналось словами: «Я, летописец, скажу от себя...» И далее Сыма Цянь в нескольких словах старался высказать свое нелицеприятное и суровое отношение к беспристрастно описанным событиям. После Сыма Цяня такие концовки стали традицией в официальных исторических сочинениях. Потом они попали в китайскую новеллу VII–X веков. Ввели их в свои летописи и корейские историки: мы находим их уже у Ким Бусика, создавшего в 1145 году «Исторические записки трех государств». Такую же концовку дал повести «Мышь под судом» и Лим Чже. Поэтому такое большое значение для понимания концепции автора имеют короткие заключительные фразы повести: «Эх, да разве только у этой Мыши, коварный и подлый нрав?! Право, об этом и подумать страшно!» Эти слова — приговор писателя феодальному миру, в котором страшно жить, потому что он чудовищно несправедливо устроен. Так заканчивает Лим Чже свою сатиру-аллегию.

Повесть «Мышь под судом» написана по-китайски и только позднее переведена на корейский язык. И в том, что она написана по-китайски, тоже нельзя не видеть определенной традиции. Писать по-корейски, оригинальным алфавитом, который в то время был уже изобретен, считалось неприличным для образованного человека. Лим Чже не только овладел чужим, чрезвычайно сложным письмом, но и воспринял во всей полноте богатую культуру Китая — вот почему в повести столько намеков, иносказаний, столько ссылок на китайские летописи и персонажи китайской истории. Даже корейский читатель не может сегодня читать повесть без комментариев.

Лим Чже создал своеобразный аллегорический и одновременно сатирический стиль в корейской литературе. Его художественная манера вполне оригинальна, она не характерна ни для средневекового Китая, ни для тогдашней Японии, так же как не характерна для других литератур Дальнего Востока резкая антиконфуцианская направленность. Именно в Корее развивается эта традиция, идущая от повести Лим Чже. Мы видим ее в остроумной анонимной и тоже аллегорической повести примерно XVIII века «Сказание о птице фазане», где фазан и фазаночка, как истые конфуцианцы-начетчики, рассуждают о бобовом зернышке; в сатирах классика XVIII века Пак Чи Вона, чья «Брань тигра» зло высмеивает конфуцианских ученых, и во многих других произведениях корейских писателей.

* * *

Лим Чже родился в 1549 году в городе Начжу, в дворянской семье. Биография писателя не дошла до нас полностью. Известно лишь, что Лим Чже рано начал писать стихи, что в 1577 году

сдал экзамен на получение чиновничьей должности, но на службу не поступил, а всецело посвятил себя литературе. Это было время расцвета пейзажной лирики. Возникло даже целое направление, названное «Литературой рек и озер». Не отсюда ли и псевдоним писателя Пэк Хо — Сто озер? Представители его проповедовали уход от политической борьбы, воспевали природу. Глубоко поэтичные стихи Лим Чже о природе («Листопад», «Песня Кымсона» и др.) близки к поэзии «рек и озер». Однако, в отличие от других поэтов, Лим Чже не стоял в стороне от политической борьбы. Борьба дворянских группировок за власть, коррупция государственного аппарата, произвол местных властей глубоко волновали писателя. Об этом свидетельствуют и аллегорические повести Лим Чже: «Мышь под судом», «История цветов», «Путешествие Вон Сэна во сне» и «Юдоль».

Б. Рифтик

МЫШЬ ПОД СУДОМ

Повесть

В прежние времена амбары строили на отшибе, подальше от жилищ, чтобы уберечь зерно, если деревню охватит пожар.

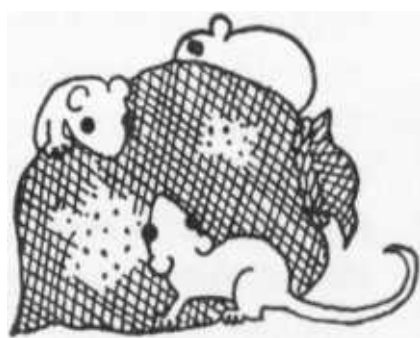
Со временем тропинки, ведущие к амбарам, зарастали бурьяном, загромождались камнями, густой зеленый мох покрывал стены ограды, а запах гнили пропитывал даже каменные ступени входа. Оно и понятно: жилища далеко, и люди здесь — редкие гости.

* * *

Жила когда-то в глубокой норе Мышь; туловище у нее было длиной в пол-ча^[1], шерсть — в два чхи^[2]; хитростью и лукавством превосходила она всех мышей, и те почитали ее своею наставницей. На уме у старой Мыши были одни только плутни да каверзы. Всякий знает: это она однажды устроила себе норку в горшке с рисом; она же повесила колокольчик на шею Кошке...

Как-то раз созвала Мышь-наставница своих подопечных и, поглаживая усы, новела речь о том, как тяжело стало жить.

— Припасов у нас нет, жилье не огорожено, всякий час угрожают нам то люди, то собаки: что и говорить, туго приходится! Проведала я, что в Королевской кладовой^[3] горы белояшмового риса гниют и никому до этого дела нет. Прогрызть бы нам стену, пробраться в кладовую, да и поселиться там, — вот когда зажили бы мы припеваючи: и ели бы вволю, и веселились до упаду! Право же, Небо не обходит нас своими милостями! Эх, и заживем мы теперь!

Собрала Мышь-наставница всю стаю и новела к Королевской кладовой. Стали мыши стену грызть. Полдня не прошло, глядь, а в стене уже большая дыра. Юркнула Мышь в кладовую, огляделась и решила, что поселиться тут совсем неплохо. За нею ввалилась тьма-тьмущая мышей и ну шнырять да шарить, рыть да обнюхивать все углы. Видят и впрямь: на земляном полу насыпаны горы риса — сразу весь и не съесть...

* * *

Лет десять прожила мышинная стая в Королевской кладовой. Почти совсем опустела кладовая.

Но тут очнулся ото сна Дух — хранитель кладовой. Взял он счетные книги и стал сверять по записям наличие зерна. До чего же он был удивлен и напуган, когда обнаружил, что в кладовой недостает много сомов^[4] риса. Созвал он тотчас же Святое Воинство и приказал разыскать виновников. Вскоре схватили Воины Мышь-наставницу.

Грозно встретил Дух обвиняемую:

— Мерзкая тварь! Забыла, кто ты?! Дом твой — убогая нора, пища — в грязи и во прахе! Как посмела ты со своими прихвостнями прогрызть дыру в стене и поселиться в кладовой?! Как посмела уничтожить столетний запас зерна и оставить народ без риса?! Придушить бы все ваше племя до последнего мышонка — тогда только, наверно, и удастся искоренить воровство! А что до твоих сообщников и подстрекателей, — никого не пощажу, всем воздам по заслугам!

Выслушала Мышь грозную речь, в притворном смятении пала ниц перед Духом-хранителем и, сложив передние лапы, запричитала:

— Осмелюсь слово молвить: хоть я и стара, и с виду невзрачна, но не так уж я плоха, ибо природа наделила меня многими талантами. Среди зверей я, конечно, не первая, но все-таки и не последняя: поэты древности писали обо мне в «Шицзине»^[5], Совершенный Муж^[6] упомянул

мое имя в «Лицзи»^[7]. А это означает, что племя наше издавна знакомо людям. Но вспомните, ваша милость: даже Человек, этот двуногий царь природы, у которого нос торчком, а глаза — поперек лица, день-деньской на поле трудится, а поесть досыта никогда не может — вечно его голод терзает. Каково же мне, старухе? Как жить, если в норе пусто? А пожить охота, хотя и тяжело... И стала я отруби да бамбуковые гвозди грызть! Вот до чего дошла! Разве это с радости? С нужды это!

Велика моя вина, сознаюсь. Но что делать: семья голодает, дети мучаются. Сыновья погибли в ловушке у Восточного дома, внучата — в капкане у Западного. Да, страшное на меня обрушилось горе. Глаза мои потускнели и плохо видят, сама я одряхлая, одышка одолевает, где уж тут быстро бегать... Ни на что я теперь не гожусь. Да и кому я нужна такая? Правду говорю: не было у меня среди мышей сообщников!

И стала хитрая тварь зверей оговаривать, и не только зверей, а и растения, и Духов: они, мол, подстрекали ее преступление совершить! Без зазрения совести лгала она, лишь бы свалить на кого-нибудь свою вину.

— Я, ваша милость, без утайки назову подстрекателей и, не ропща, понесу заслуженную кару. А дело было вот как. Вздумала я забраться в Королевскую кладовую; крадусь осторожно, а сама по сторонам озираюсь. Вижу — горы и реки, деревья и травы — все объято покоем. И только Цветок Персика, что рос в углу двора, завидев меня, ласково улыбнулся, да Ива, свесившая ветки над каменными ступенями входа, радостно кивала мне. Я и подумала, что Персик улыбается, обещая мне сытную трапезу, а Ива кивает ветвями, приглашая поселиться в новом жилище. Разве подобные знаки сочувствия — не подстрекательство к преступлению?

Доверчиво выслушал Дух рассказ старой Мыши и вознегодовал:

— Как?! Их долг предотвратить преступление, они же, вместо того, улыбались тебе и кивали?! Вот уж поистине «зло на руку Цзе»!^[8] Ну что ж, придется, видно, воздать этим негодяям по всей строгости закона!

Произнес Хранитель кладовой заклинание, призвал Духов Ивы и Персика и приступил к допросу:

— Стало известно мне, что, будучи свидетелями готовящегося преступления, вы не только не предотвратили его, но даже ничего не сообщили властям! Более того, вы улыбались и кивали одобрительно! Как это случилось? Объясните!

Цветок Персика смутился, но стал обиженно оправдываться:

— Осмелюсь почтительнейше напомнить вашей милости: в зимние месяцы бываю я совершенно наг, зато с наступлением весны бутоны мои распускаются, и я облакаюсь в одежды цвета румяной зари. Такова уж природа растений, таков закон Гармонии. Поэтому-то я и улыбаюсь весной — улыбаюсь теплему ветерку. А Мыши этой я вовсе не знаю! Как наслушаешься таких бредней, право же, готов смеяться до колик. Никакой вины за собой я не ведаю!

Потом заговорила Ива. И тут ее унылое обличье стало вдруг неузнаваемо, а слова, подобно упругому стволу ее, обрели твердость:

— Ваша милость! Телом я слаба. Когда из долин веет теплым ветерком и у запруды на реке перестает моросить дождик, ветви мои плавно раскачиваются, словно руки танцовщиц, серебристые нити шелестят, прославляя весну; их сравнивают тогда с ресницами прелестной девушки, и друзья, обреченные на долгую разлуку, берут их с собой на память. Ветви мои плавно раскачиваются и кивают в радостном упоении солнцем! А то, что говорила Мышь, — грубая ложь. Я ни в чем не повинна!

Выслушал Дух — хранитель кладовой Иву и Персика, но не поверил бесхитростным деревьям и отправил их в темницу.

— Ты солгала, — сказал он Мыши. — Ива и Персик невиновны. Признавайся, кто подстрекал тебя к грабежу?

Не долго думая, сочинила Мышь новую басню:

— Осмелюсь сказать, ввели меня в соблазн Дух Больших Ворот и Дух Малых Дверей Королевской кладовой^[9].

Разгневался Хранитель кладовой. Повелел он схватить подстрекателей, невзирая на чины и звания^[10], заковать в колодки и доставить в суд.

— Эх вы, «сторожа»! Положено вам охранять Королевскую кладовую, не пускать в нее посторонних, вы же раскрыли Большие Ворота и Малые Двери, впустили преступников, позволили им истребить зерно! Наказать вас батогами и розгами? Этим вину свою вы не искупите. Обезглавить? Четвертовать? Но и этим делу не поможешь. Признавайтесь по совести, как стали вы пособниками грабителей?

И сказал Дух Больших Ворот:

— Дозволь слово молвить. Мимо Больших Ворот непрестанно снуют и Небожители и Люди; злых духов я с бранью прогоняю прочь, добрых встречаю с почестями. Строго охраняю я вход в кладовую, — даже тысячной толпе не отворить Большие Ворота. Но мог ли я думать, что воры проникнут через ограду и прогрызут дыру в стене? Да мне такое и во сне не снилось! Оплошал я, ротозей, проглядел их, но совесть моя, видит Небо, чиста! Пусть я к сторожевому делу и непригоден, но лжецом меня никто не назовет.

Затем обратился к судье Дух Малых Дверей:

— Я, ваша милость, только и думаю что о деле, которое мне поручено. И всегда-то я настороже: на дверях повесил крепкий замок, день и ночь держу их на запоре — и щелки малой нету, куда бы можно было пролезть; неусыпно слежу, как бы воры не изловчились да не пробрались в кладовую через крышу; того и гляди, лари с зерном отворят да с мешками за спиной по стене спустятся... Но до чего же эта гнусная Мышь ловка!.. Кто бы мог подумать, что она на такое дело отважится? Хоть и стыдно, да покаюсь: проглядел преступницу, а больше — знать ничего не знаю!

Выслушал сторожей Дух-хранитель, повелел отвести их в темницу, а сам говорит Мыши:

— Допросил я Духа Больших Ворот и Духа Малых Дверей. Говорят они, что не так все было, как ты толкуешь. Нет, не они подстрекали тебя к воровству! Говори же: кто?

Мышь давай изворачиваться:

— Правда ваша: подстрекали меня не только Дух Больших Ворот и Дух Малых Дверей, но также Рыжая Кошка и Черный Пес. Они-то и принудили меня забраться в кладовую.

Дух-хранитель тут же призвал обвиняемых.

— Это вы толкнули Мышь на воровство?

Рыжая Кошка и Черный Пес так и ахнули.

— Осмелюсь напомнить, — зафыркала разгневанная Кошка, — мы затем и на свет родились, чтобы ловить мышей. Так уж самим Небом определено. Никогда не забывала я о своем священном долге, неустанно шныряла вокруг кладовой, в любую минуту готова была выпустить когти и оскалить зубы. Только я появлюсь подле мышиной норки, а мыши уже притаятся,дохнуть не смеют, — собственной тени опасаются: кошачья ловкость им хорошо известна. Засяду я между кадками и кувшинами и высматриваю добычу; завижу мышь — накинусь на нее и сожру; жру, пока брюхо досыта не набью. Разве упустила бы я хоть одного-единственного мышонка?! Эта наглая Мышь попросту оговорила меня... До чего я жалею, что не уничтожила все их гнусное племя!

— Дозвольте слово молвить, — пролаял Пес. — Ночной караул несу я усердно, никогда своими обязанностями не пренебрегаю; только Человек повелит — тотчас хватаю вора, укажет след — землю обнюхаю, и преступнику от меня не уйти... Однажды поймал я вора на кухне, в другой раз выгнал из отхожего места... Я куда сильнее Мыши, вот она со мной и враждует. Ей бы только навредить мне да оклеветать меня... Право же, мои пять внутренностей^[11] вот-вот разорвутся от гнева.

* * *

Выслушал Дух-хранитель Рыжую Кошку и Черного Пса, сдал обоих тюремщикам и говорит Мыши:

— Оказывается, Кошка и Пес с тобой враждуют. А мне-то и невдомек. Учинил я им допрос по всей форме и убедился: в хищении они неповинны. Судебное производство требует, однако, строгости: освободить обвиняемых я не могу, хотя и вижу, что оговорила ты их по злобе. И откуда в тебе столько коварства? Ну, смотри же, говори теперь только правду!

На этот раз оклеветала Мышь своих родственников — Крота и Шиншиллу.

Призвал Хранитель кладовой Крота и Шиншиллу:

— А ну-ка сознавайтесь: это вы принудили Мышь похитить зерно?

Преклонил Шиншилла коротенькие ножки и ответил:

— Я, ваша милость, обитаю в лесу, у подножия гор: никогда нога моя не переступала порог человеческого жилья. Разве мало мне места среди скал? Жил я спокойно, на судьбу не сетовал: наберу, бывало, листьев да хвороста и несу в норку; натрясу желудей, нарву каштанов — вот и все мои запасы. Опозорила меня негодная Мышь, оклеветала.

Тут подполз к судье встревоженный Крот и робко сказал:

— Осмелюсь почтительнейше напомнить вашей милости, нету в мире зверька слабее меня. Света дневного я не терплю — живу всегда во мраке. Если завижу какое зло, спешу в нору поглубже укрыться. Притаюсь там и сижу день-деньской, трепеща, как бы земля на меня не обрушилась. Но вот беда! Небо даровало мне обличье, схожее с обличьем этой гнусной Мыши. Однако душой мы несхожи! И среди Людей, властелинов природы, есть хорошие и плохие, — неужто же звери все до единого подлы, как Мышь? Этакая мразь даже презрения не заслуживает! Право, мне и сидеть-то рядом с ней стыдно!

* * *

Выслушал Крота и Шиншиллу Дух, посочувствовал им, но все же отправил в темницу. А потом и говорит Мыши:

— Много в мире всяких тварей: с виду одинаковы, а нутро у них разное. Противна ты мне, но противно не обличье твое, а нутро. Шкурой и мехомходишь ты на Крота и Шиншиллу; и телом и обликом вы схожи; по земле ходите одинаково, но душой различны. Не тот соблазнил тебя, с кем ты обличьем схожа, а тот, с кем ты схожа нутром.

При этих словах усы, что всегда у Мыши топорщились, сразу обвисли, круглые черные глаза чуть из орбит не выскочили. Крепко обозлилась она, да пришлось молча обиду проглотить. Затаила она злобу про себя и снова на выдумки пустилась.

— Виновники преступления, — говорит, — Седая Лиса и Пятнистая Рысь.

Призывает Дух-хранитель обвиняемых и спрашивает:

— Вы подговорили Мышь украсть зерно из Королевской кладовой?

Усмехнулась Лиса хитро и почтительно отвечает:

— Ваша милость! Живем мы, Лисы, в укромных норах — охотников остерегаемся. И если случается нам иной раз обернуться Человеком^[12], то вовсе не из природного коварства, а чтобы спасти свою шкуру. Мы всегда настороже: Лиса на хрупкий лед не ступит — боится, как бы он под нею не проломился; не станет и пищу искать в опасных местах. Мышь несет околесицу: все, что она сказала, — лживая выдумка, не успевшая даже пылью покрыться. Но я уверена: ваша милость сумеет отличить черное от белого!

Потом вкрадчиво заговорила Рысь:

— Осмелюсь напомнить, мне сроду принуждение незнакомо: обитаем мы, Рыси, в горных чащах и безраздельно там властвуем. А куроедами называют нас понапрасну. Дорожа своей честью, мы с подлой лисьей сворой якшаться не любим, хоть и частенько приходится нам скрести себе живот от голода. В лесных дебрях пожираем мы хищных зверей или ловим птиц, запутавшихся в густых камышах, хотя и не вредят они Человеку. С Мышами мы никак не схожи, так что нас и сравнивать нечего.

* * *

Допросил Дух Лису и Рысь, повелел отвести их в темницу, а сам и говорит Мыши: — Лиса

и Рысь известны своею хитростью и вероломством, но все же склонен я поверить, что в преступлении они не замешаны. Кто же подбил тебя на воровство? Отвечай!

На этот раз назвала Мышь Ежа, что прячется в борозде, и Выдру, живущую под утесом.

Свернулся Еж шариком, подобно колючему каштану, и сказал:

— Всем известно, ваша милость: тело у меня длиной не более одного ча, колючки — словно тонкие иглы. Любя свободу, поселился я под деревом, на горном склоне, охотник вкусно поесть — забираюсь на грядки, где растут огурцы. Грозит опасность — свертываюсь я в клубок, опасность минет — распрямляюсь; захочу — делаюсь больше, захочу — меньше. И хотя лицом я неказист, уста мои почтительны и правдивы.

Поглаживая густую шерсть, вперед выступила Выдра:

— Позвольте и мне сказать. Выросла я в воде и теперь живу под прибрежными утесами. Выше не поднимаюсь — боюсь попасть собакам в зубы. Когда выпадает снег — остерегаюсь охотничьих соколов: мех у меня красивый, приходится непрестанно за свою шкуру дрожать. Что же до старой Мыши, могу сказать лишь одно: клеветает она — ни в чем я не повинна. Но лучше замолчу, а то вы и впрямь подумаете, будто я оправдываюсь.

* * *

Записал Дух-хранитель показания Ежа и Выдры, отправил их в темницу, а потом и говорит Мыши:

— Непричастны Еж и Выдра к твоему преступлению. Подстрекал тебя к грабежу кто-то другой. Признавайся же лучше кто?!

Подумала Мышь и назвала своими соучастниками Сайгу и Зайца. Призывает их Дух и учиняет допрос.

Горделиво вскинула Сайга ветвистые рога:

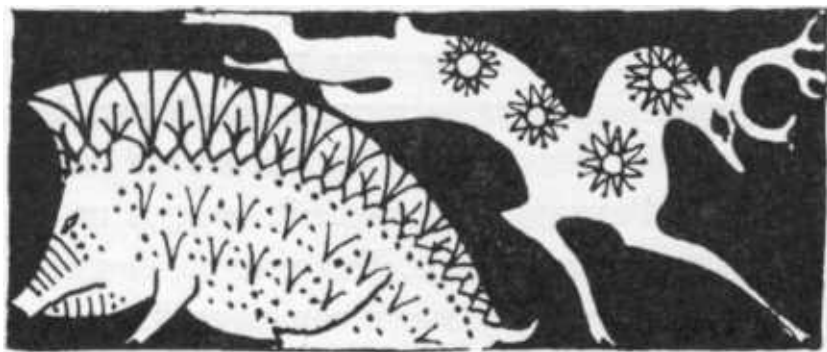
— Толкуют, ваша милость, будто ноги у меня до неприличия длинны. Но я своим широким шагом горжусь: он величав, как поступь героев! Мясо мое для Человека — лакомая добыча, вот и приходится быть всегда настороже, иначе, того и гляди, попадешь в коварную западню. Люблю я бродить в Зеленых лесных чащах на горных склонах, сладко спать на ложе из сахарного тростника, питаться его нежными побегами. Мышь возвела на меня поклеп, и я возмущена до глубины души. Почтительнейше прошу вашу милость по справедливости рассудить нас.

Потом обратился к судье перепуганный Заяц-хвастун:

— Осмелюсь напомнить, ваша милость, родина моя в горах Чжуншань, дом — в Дунго. Когда гляжу я на коричневое дерево у Лунного Дворца, в памяти моей оживает история с лекарством бессмертия^[13]; когда думаю о Гаунчэнском уделе^[14], тоскую по величию минувших дней. Ума мне не занимать стать, — недаром у меня три норы^[15], а жизни мне отмерено до тысячи лет. Разве мог я, благородное создание, вступить в сговор с этой грязной тварью? Да чтоб доказать свою невиновность, я готов вывернуться наизнанку!

* * *

Выслушал Дух эти речи и приказал отвести Сайгу и Зайца в темницу. Стал он бранить преступницу, требуя выдачи подстрекателей. На этот раз назвала Мышь Оленя и Кабана.

Обвиняемых посадили на скамью подсудимых; и вот один за другим берут они слово для защиты.

— Я — священное животное, — говорит Олень, — друг Святых Мужей^[16]. В древние времена резвился я на свободе в заповедниках чжоуского правителя^[17], и поэты слагали в мою честь оды и баллады. Помню: лежал я под банановыми листьями, а дровосек гадал, сон это или явь^[18]. Всегда опасался я Людей, вооруженных луками и стрелами, остерегался ловушек и никогда не нарушал законов леса, хотя рога мои достаточно длинны, чтобы я мог защитить свою жизнь. Разве способен я вступить в сговор с хищницей, которая весь век пожирает чужое добро?

— Все считают меня самым упрямым и несговорчивым животным, — проворчал Кабан. — Жру я что попало, а потому брюхо у меня тугое, как барабан. Попроюсь в любые дебри, — нет такого удальца, что смог бы преградить мне путь. Рыскаю по горам — на равнину не ступаю. Неуч я — спору нет, однако не вероломен, — это наглая ложь. Я скорее дам себе башку проломить, чем пойду на преступление.

* * *

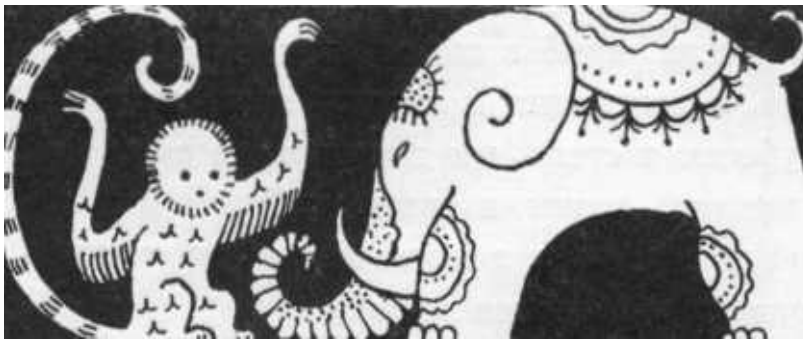
Отправил Дух Оленя и Кабана в темницу и снова требует, чтобы Мышь выдала подстрекателей. Называет преступница Барана и Козла...

Предстал Баран перед судьей и говорит:

— Я из породы рогатых. В теплой меховой шубе брожу я по горам, ночью на лугах. Нравится мне такая жизнь, и никогда я ей не изменю.

— Шерсть у меня бывает и светлая и темная, — заблеял Козел, — а мясо не хуже, чем у Вола, Барана или Свины. Потому-то, когда приближается праздник Нового года, и вынужден я спасать свою шкуру — я убегаю в степь, где нет пастуха с кнутом, и питаюсь сочными травами. Пусть мир перевернется, если я хотя бы самую малость повинен в хищении зерна.

* * *

Допросил Дух Барана и Козла, отправил их в темницу, а сам объявил Мыши, что они невиновны.

— Кто же все-таки подбил тебя на воровство? — допытывается он.

Называет Мышь Обезьяну и Слона.

Приходит Обезьяна в суд, бросает быстрый взгляд на Хранителя кладовой и живо начинает:

— Осмелюсь напомнить, в древности пострадала я от навета чуского узурпатора^[19]. Это он приказал изгнать меня в долины Ба и Шу^[20]. Там пела я грустные песни; будила путников, плывущих ясной лунной ночью в одиноком челне; терзала печень поэта, под вой осеннего ветра читавшего стихи высоко в горах...^[21] Ныне же строю я себе жилище на ветвях деревьев и утоляю голод плодами. Живу вдали от мира, так что даже тень моя не тревожит Людей. Мышь говорит, будто я подстрекала ее к преступлению? Это лживая выдумка, не успевшая даже покрыться пылью!

Тут десять Воинов-Духов ввели связанного толстыми железными цепями Слона. Слон протрубил:

— Мои длинные бивни в большой цене у Людей, великанье тело служит миру на удивление. Стою я подобно горе — и Духи трепещут; мчусь подобно урагану — и сотни воинов, тысячи коней не в силах остановить меня, как не в силах они остановить прилив. Никто не называет меня Повелителем, однако сам я почитаю себя царем зверей! Но вот насмешка природы: Тигр

страшится меня, Кошка страшится Тигра, Мышь — Кошки; но если Мыши некуда спрятаться от Кошки, она, как в нору, забирается в мой хобот, и я умираю от удушья. Потому-то и обхожу я Мышей за тысячи ли^[22]. А Мышь, заклятый мой враг, наговорила, будто я толкнул ее на преступление. Разве могу я не гневаться? Подайте мне эту тварь, и я без жалости раздавлю ее!

* * *

Заточил Дух Обезьяну в темницу, а Слона повелел заключить в железную клеть. Грабительнице Мыши Хранитель кладовой объявил, что Обезьяна и Слон к ее преступлению не причастны, и потребовал немедленно выдать подстрекателей.

Подумала Мышь и назвала Шакала и Медведя.

Приказывает Дух своим Воинам:

— Приведите обвиняемых, но помните: Шакал и Медведь — звери хищные!

Привели Воины Шакала и Медведя.

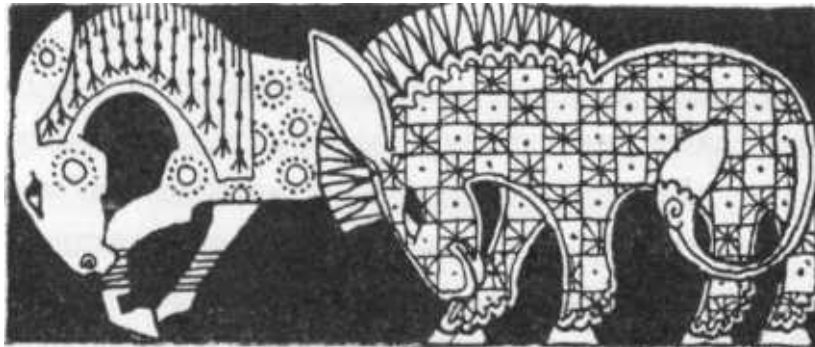
Первым заговорил Шакал:

— Горестна моя судьба: пошла обо мне среди Людей дурная слава — вот я и вынужден избегать проторенных дорог, где на каждом шагу стережет беда. Приходится рыскать в глухих дебрях. Проголодавшись, пожираю я тех, кто слабее меня, но никогда не трогаю Человека. Охотимся мы, Шакалы, стаяй, с соседями живем в мире и согласии, так что напрасно клеймят нас позорными кличками. А тут еще Мышь возвела на меня напраслину! Да мне такое и во сне не снилось! Досада берет, когда слышишь подобный наговор!

Затем выступил вперед простоватый Медведь.

— Природа дала мне мех для защиты от холода, она же наделила Медведей могучей силой: без труда поднимаем мы груз в тысячу кынов^[23]. Живу я в лесной чаще, на склонах гор, набиваю себе брюхо плодами, пригибая к земле ветки деревьев. А когда приходит зима, забираюсь в берлогу и сосу лапу. Бывает, приснюсь я какому-нибудь счастливчику — это предвещает ему рождение сына. Имя мое наводит страх, как и имя Тигра — Хозяина гор. Да разве мог я, могучий зверь, связаться с таким ничтожеством — Мышью? Пусть обезглавят эту тварь, пусть четвертуют ее, но и тогда не иссякнет мой гнев!

* * *

Передал Дух-хранитель Шакала и Медведя в руки тюремщиков, а сам опять Мышь допрашивает. Подумала преступница: «Что поделаешь, остается свалить вину на домашних животных — верных спутников Человека», — и обвинила она в краже зерна Мула и Осла.

Призывает Дух обвиняемых и начинает бранить их. Свирепо кося глазами, Мул говорит:

— Отцом моим был Осел, матерью — Лошадь. Рожден и воспитан я Человеку на благо, а не во вред, как Мыши и подобные им подлые зверюшки. Выносливый и сильный, таскаю я для Человека тяжелые грузы, в жестоких боях всегда иду впереди... Отрубите этой лгунье голову и повесьте мне на шею!

Затем повел речь Осел — небольшое, но очень хитрое животное:

— Уши у меня длиною в ча, голос тревожит реки и горы. Лишь по недоразумению считают меня лукавым и подлым — я ведь само добродушие!

Вот только когда вижу дурака, не могу не лягнуть его копытом. Хоть и невзрачен я с виду, душа у меня благородная: по заснеженным пургою дорогам носил я поэта, искавшего Зимой Цветы Сливы^[24], под дождем сопровождал путника, шедшего в деревню за водкой.

В лесу, в горах Цяньшань, увидел меня однажды Тигр — худо мне тогда пришлось^[25].

Зато всем на удивление сотворил я чудо в сундуке святого Чжана^[26]. И вот сегодня меня жестоко оклеветали, потому-то я всеми четырьмя копытами рою землю, а глотка моя издает вопли незаслуженной обиды.

* * *

Выслушал Дух Мула и Осла, повелел отвести подсудимых в темницу, а сам снова начал допрашивать Мышь. На этот раз обвинила старуха Мышь Вола и Коня.

Несказанно удивился Хранитель кладовой, когда узнал, что такие смирные животные замешаны в преступлении. Но все же, по долгу службы, отдал приказание Святым Воинам. Вскоре те, хлопая кнутами, привели обвиняемых.

Вол, преданный слуга Человека, был удручен бедой, которая на него обрушилась. Чистосердечно недоумевая, проговорил он:

— Осмелюсь заявить: право же, я невиновен. И пусть я всего только глупое животное, но и у меня есть чем похвастать: в древние времена предки мои мирно паслись на Равнине персиковых деревьев^[27], позднее, пронеся огонь из крепости Цзимо, прославились на всю страну Ци^[28]. Сопровождал я отшельника Чао-фу^[29], бродил следом за Нин Ци и слушал его песни^[30]. Мир — это юдоль зла. За всю свою жизнь лишь однажды встретил я доброго Человека^[31]. Нелегкая выпала мне доля: немало ударов сыпалось на мою спину, она даже вошла в поговорку^[32]. Весь свой век я усердно вспахиваю поля и кормлю Людей, не ропщу, не бахвалюсь...

Потом привели Коня. Недоуменно выслушал он вопросы судьи, ничего не ответил, лишь тоскливо поглядел на небо. В Древности был он известен миру под именем Быстроногого, теперь же страдал многочисленными недугами; а тут еще обрушилась на него с поклепом ничтожная и злобная тварь. Уныло промолвил бедняга:

— Я потомок Скакунов, на которых чжоуский правитель Му-ван объехал мир^[33]; и подобен я тому мертвому Коню, что приобрел за тысячу цзиней Чжао-ван^[34]. Кормили меня плохо, я занемог, и тогда отправили меня на конюшню, поставили у коновязи; тут я и состарился. Люди говорят, будто я ни на что у я: с не годен. Кто теперь признает во мне Быстроногого? Мышь объявила меня преступником — это такой вздор, что я даже оправдываться не стану!

* * *

Выслушал Дух-хранитель речи Вола и Коня, — проникла жалость в его сердце. Но не посмел отпустить он смиренных животных — отправил в тюрьму. Потом приказал доставить к нему Мышь. Жестоко выбралил он клеветницу, повелел наказать ее батогами...

Крепко досталось Мыши, но она не сдалась и снова пустилась на хитрости. Соучастниками своего преступления назвала она Единорога, который еще не родился^[35], и Льва, который в Корее не водится.

Призадумался Дух: «Единорог, как известно, существо незлобивое. Подобно Дракону, птице Феникс и Черепахе, почитается он священным животным; вряд ли способен Единорог на такие плутни. А впрочем, есть же поговорка: „И ученая собака на кухню забирается!“ Трудно судить обо всем заранее. Лев — царь зверей, живет он в далеких краях, за десятки тысяч ли отсюда. Мыши до него не добрались!.. А вдруг Лев и вправду замешан в преступлении? В мире ведь много такого, что неведомо даже Духам!»

Поразмыслив немного, призвал Дух — хранитель кладовой самых мудрых и отважных

предводителей Святого Воинства и повелел им:

— Половина Воинов пойдет в Пхеньян, где за беседкой «Плывущая по скале» находится «Пещера Единорогов»^[36]. В пещере живет самый старый Единорог, которого вырастил в древности Мудрейший Король Востока^[37]. Пусть Воины приведут Единорога ко мне. Другая половина Святого Воинства пусть перейдет через Куэньлунь в Индию и схватит Льва, который некогда носил на себе самого Шакьямуни^[38].

С быстротой молнии выполнили предводители Воинства веление Духа.

Выслушал Единорог величавого судью и невозмутимо ответил:

— От природы я добр и не привык топтать живых тварей. Впервые родился я на свет в Век Миролюбия. Появление мое было так неожиданно, что даже Конфуций, вздохнув, бросил писать «Чуньцю»^[39]. Имя мое известно любому младенцу: ведь Хань Туй-чжи написал обо мне сочинение^[40]. Характером я незлобив: если кто обидит, мне и в голову не придет мстить обидчику. Хочу думать, что мудрый Дух рассудит по справедливости, и Мыши не удастся оклеветать меня.

Сверкая зелеными глазами, тряся желтой гривой, в суд вбежал Лев.

— Потомок Боцзэ^[41], унаследовал я дух Снежных гор^[42]. Когда я рычу, разевая пасть, — от громоподобного рева в страхе разбегаются злые Духи; когда величаво восседаю, скрестив лапы, звери смиренно падают предо мною ниц. Клыки мои, острые, как пила, разгрызают твердые камни, могучий хребет выдерживает Вола или Коня. Все, что наболтала здесь Мышь, — глупые бредни. Я даже не считаю нужным оправдываться.

Выслушал Дух Единорога и Льва, и закрались в мысли его сомнения. Подумав, повелел он обвиняемым подождать решения суда, а Воинам приказал охранять их. Потом обратился к Мыши:

— Единорог и Лев — священные животные, не могли они побудить тебя, подлую, совершить преступление. Сейчас же назови истинных подстрекателей, не то повелю тебя казнить!

Понурила Мышь голову, задумалась: «Не ждала я, что Духу удастся заполучить Льва и Единорога, — потому и назвала их имена. Теперь вижу — могущество Духа и впрямь велико. Значит, не остается ничего иного, как обвинить в подстрекательстве Хозяина гор и Властителя морей. Не так уж силен Дух-хранитель, чтобы поймать и привести сюда Тигра и Дракона!»

И поведала «чистосердечно» старая Мышь, что совершить преступление принудили ее Белый Тигр, хозяин Западных гор, и Зеленый Дракон, властитель Восточного моря.

Тотчас повелел Дух Святым Воинам:

— Приведите Тигра и Дракона — это грозные владыки гор и морей; и тот и другой называют себя «ваном»^[43]. Но обитают они на нашей земле и должны подчиняться нашим законам!

Сказал так Дух и направил Тигру и Дракону именные послания, предлагая явиться в суд.

Получил Тигр послание, задумался: «Хранитель кладовой — не такая уж важная фигура, но как-никак чиновник, законы знает, стало быть, ослушаться его нельзя».

Явился Тигр в суд, сверкнул горящими дико глазами, забил по столу хвостом, длиной в палец^[44], и голосом, от которого, казалось, рухнут горы, прорычал:

— Я хищник, питаюсь сырым мясом, но если голоден, не отказываюсь и от другой пищи. Рык мой подобен грому, отвагой не уступаю богатырям. Владения мои — зеленые горы, пища — тысячи четвероногих. Стану я вступать в грязные сделки с какой-то малявкой!

Получил послание Духа и Дракон. Покинул он свой дворец, сел на облако и прибыл в суд. Только заговорил — из пасти так и повалил дым.

— Я либо плаваю в воде, либо летаю по небу, — заявил Дракон. — То разгоняю облака, то сею дождь. Люди и звери благословляют мои труды, мудрецы славят мои добродетели. Подумайте сами: могла ли эта коротконогая тварь, что прогрызла стены кладовой, добраться до моего Водяного царства?

Сказал так Дракон и хотел вернуться домой, во дворец, но Дух уговорил его дожидаться окончания суда. Приказал он Воинам проводить Дракона и его телохранителей в отведенное для них помещение на реке Намдэчхон. А Тигра Хранитель кладовой отослал в леса Южных гор, наказав Святому Воинству охранять свидетеля.

Отпустил Хранитель кладовой Тигра и Дракона, а самого сомнения одолевают. В гневе обрушился он на Мышь:

— Все, кто предстал пред моим судом, называли тебя вероломной, но я не поверил им. Теперь же я убедился, что это правда. Узнав, что ты сожрала зерно в Королевской кладовой, порешил я немедленно предать тебя казни, но отложил ее, надеясь выпытать у тебя имена подстрекателей. Вот почему ты еще жива. Не солги ты с самого начала, я назначил бы тебе легчайшее наказание. Ты же прибегла ко лжи: назвала десятки имен, запутала дело, скрыла истинных подстрекателей. Этим ты лишь усугубила свою вину. Ведь даже самый мелкий воришка не обходится без сообщников: могла ли ты одна прогрызть стены кладовой и похитить столько зерна? Говори всю правду! Ежели не скажешь, повелю отрубить тебе голову, вырезать кишки и разорвать твоё тело на мелкие клочки.

Не в силах что-либо возразить, Мышь молча склонилась перед судьей... Но внезапно осенила ее счастливая мысль. «Из путаной речи трудно что-либо уразуметь. Назову-ка я побольше имен: судья запутается в них и ничего не поймет. Вот лучшее средство затянуть следствие и скрыть свои проделки. Одна беда: рогатые звери глупы и упрямы — они долго и нудно оправдываются, иметь с ними дело — мука. Как же быть? Ведь Дух разгневался на меня и теперь поговаривает о казни! Да, в таком положении и Чжан Тан не смог бы ничего придумать!^[45] А впрочем, мудрая поговорка гласит: „Замешательство — признак вины“. Стоит мне обнаружить растерянность — суд решит, что я виновна и стараюсь вывернуться; вот тогда-то меня наверняка казнят. Пока еще ворочаю языком, вспомню-ка я речи Су Циня и Чжан И^[46], буду отрицать показания свидетелей, запутаю судью, а там — попытаюсь бежать через какую-нибудь дыру».

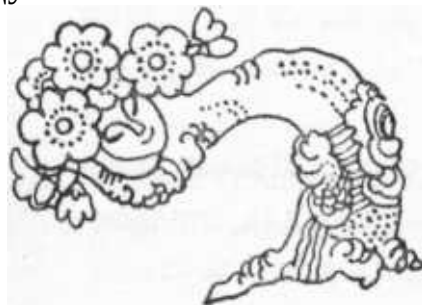
Приблизилась хитрая Мышь к Хранителю кладовой, сложила передние лапки и начала сладким голосом:

— Говорят, не было в мире человека великодушнее ханьского Гао Цзу^[47], по и при нем воров приговаривали к смерти. Говорят, не было в мире законов милосерднее «Уложения Чжоу»^[48], а все же и по этим законам преступники подвергались казни. Вы же, ваша милость, не покарали меня, но, согласно законам, спросили о главных виновниках преступления; вы не казнили меня, не грозили мне пытками — лишь бранили, как любящий отец бранит малое дитя. Если бы не ваша доброта, я давно бы погибла! Ах, почему нет в живых детей и внуков моих?! Когтями содрали бы они с себя кожу и сделали бы из нее платье и шляпу для вашей милости. Без сожаления выдернули бы они свои усы и сделали бы кисть для письма в подарок вашей милости! Какая жалость, что все они давно погибли и я, на закате дней своих, ничем не могу отплатить вам за ваши великие благодеяния.

Старая Мышь всхлипнула. Потом, сложив лапки на животе, продолжала, подобострастно глядя на Хранителя кладовой:

— В этой жизни мне уже не отплатить вам за ваше милосердие, но, поверьте, я сумею поведать о нем в Царстве Теней. Звери, что были у вас на допросе, все до единого хитры и коварны: они скрывают свои проделки, не желая ни в чем признаваться. Потому-то я и не стала

оспаривать их слова. Досаднее всего то, что даже вы, проницательнейший судья, не сумели разоблачить их, и в ваших глазах они так и остались невинновыми. Сейчас я поведаю о них все, что видела собственными глазами и слышала собственными ушами. Этим я спасу вашу добрую славу мудрого и могущественного Духа...

...Расцветать и увядать, увядать и снова расцветать повелевает природа растениям, которые, в отличие от нас с вами, не имеют души, — начала старая плутовка. — Бездумно они цветут, бездумно погибают — так уж они устроены. Обманчив Цветок Персика: выставляя напоказ смиренную красоту свою, умиляет и чарует он Людей. Но чего стоит подобное притворство перед целомудрием Лотоса и неприступной холодностью Цветка Сливы?! Персиковое дерево говорит, что ветви его, обращенные к востоку, способны отгонять злых Духов, а шаманкам служат для ворожбы. Да разве может такое дерево не лгать?! Рассказывают, что народ государства Цинь^[49], не вынеся всех тягот, выпавших на его долю, бежал от непосильных трудов в страну Персикового Источника^[50]. Когда же за спинами беглецов стеною встали зеленые горы, а бурный поток отрезал пути погоне, один лишь Цветок Персика, забыв о тех, кто его вырастил, замыслил выдать людей. По волнам светлой реки выплыл он за пределы государства и направился в стан преследователей. К счастью, беглецы заметили его, преградили путь, и все кончилось благополучно. Но если бы не случай, как смогли бы эти люди избежать неволи? Ведь даже стихи:

Лишь Чайка одна бесполезна,
Лишь Персику верить нельзя! —

означают, что никто не любит, никто не жалуется Цветок Персика за его бездушие!

Ива не радует глаз красивыми цветами, но это не мешает ей кичиться серебристыми нитями, что свисают с ее ветвей. Она легко увядает, опережая другие растения. Жалкое дерево Ивы непригодно даже для надгробного памятника. К тому же, не надо забывать, что Ивовая аллея у Суйской дамбы погубила царство Суй и его неосторожного властителя^[51], а Ивовая столица, как говорит легенда, превратила древних корейцев в людей доверчивых и слабых^[52]. Из этого видно, что, даже по отзывам Людей, Ива приносит несчастье и доверять ей нельзя.

Но разрешите продолжить. По велению Неба Дух Больших Ворот и Дух Малых Дверей должны охранять входы в Королевскую кладовую. Они же обманывают простой народ и, незаконно принимая жертвоприношения, ублажают утробу свою крепким вином и жареным

мясом. К тому же, они смотрят сквозь пальцы на то, как алчное чиновничество ворует зерно из Королевской кладовой и подчищает счетные книги. Они закрывают глаза на подлинных виновников преступления и стараются всю вину свалить на меня, бедную старую Мышь. Пусть же постигнет меня самая печальная участь, я не могу скрыть, ваша милость, что эти «стражи» дурно исполняют свои обязанности и наносят ущерб государству. Можно ли мириться с таким безобразием?

Скажу о Кошке. Эта привыкла набивать брюхо объедками; порой случится ей стянуть лакомый кусочек с хозяйского стола. Спит и ест она в доме Человека, да еще ловит и пожирает Ласточек, залетающих под стреху, или Воробьев, сидящих на столбе. И как только не лопнет она от жадности! Все-то ей мало, и все-то она точит зубы на нашу мышиную братию, желая истребить нас всех до единого. Алчность ее не знает предела. Еще скажу: Человек и Зверь заботятся о своих детенышах, одна только Кошка, попирая законы Неба, пожирает потомство. Вот до чего она преступна!

Что же сказать про Пса? Подобного невежества и глупости ни у какого другого животного не найдешь. Император Яо был величайшим мудрецом вселенной, но Пес Дао Чжэ лаял и на него!^[53] Пес лает даже на белый снег — должно быть, ему мерещится что-то страшное^[54]. Вот до чего он глуп. К тому же, вы, вероятно, помните, что ради Тянь Вэня пробрался он в кладовую владыки страны Ци и выкрал оттуда лисью шубу^[55]. Да что говорить, нет в мире животного коварнее Пса! На допросе этот толстомордый негодяй прикинулся невинной овечкой и все свалил на меня, старуху. Чтоб его, проклятого, разорвало! Верно в старину говорили: «Подлый, как пес, вороватый, как пес!»

Теперь о Шиншилле. Из зверей, что носят меховую шкуру, он первый разбойник. Всех его пороков и не перечесть. А уж до чего похотлив, до чего распутен! Осенью, когда созревают плоды и выпадает иней, Шиншилла соблазняет доверчивых девушек, принуждая их жить с ним под одной крышей, как с мужем. Когда жены его старятся и перестают уже удовлетворять его похоть, он заставляет их таскать для него желуди из леса или переносить в его нору зерно, которое он крадет из чужих закромов. А сам думает так: «Девять жен прокормить не так-то легко: приходится в день тратить девятидневный запас зерна! Пожалуй, для ухода за мной довольно и одной жены!» И вот прогоняет Шиншилла восьмерых жен и оставляет при себе одну. Скажите, разве столь бессердечный негодяй не способен на все? Ведь если он и принудил меня похитить зерно из кладовой, то по сравнению со всем, что он вытворяет, это сущий пустяк!

Не могу обойти молчанием и Крота. Нрава он хмурого, на душе у него мрак. Все звери наслаждаются благами Земли и Неба, радуются свету Солнца и Луны, лишь Крот бежит всего, прячется под землю, закрывается лапами от солнечных лучей. Можно ли доверять такому

созданию?! Не скрою, в былое время Крот сватался ко мне, но я, конечно, ему отказала. С досады он и старается мне навредить. Вот каков негодяй! Ну, а прочие обстоятельства, право, не стоят вашего внимания.

Лиса, как известно, существо вредное и хитрое. Если понадобится, она кем угодно прикинется: и облик и душу изменит. Эта тварь оскверняет могилы, пожирает трупы, — но голову мертвеца сохраняет, чтобы при случае принять его обличье; при встрече с мужчиной принимает она облик женщины, при встрече с женщиной — облик мужчины. Прельстит красотой да сладкими речами, а потом отнимет у Человека душу или загрызет его. Ей только и дела что Людей морить да пакостить им.

О Рыси могу сказать одно: повадки у нее такие же, как у Лисы, только менять обличье она не умеет. Зато проберется ночью в жилище Человека, украдет мясо и всякую снедь, схватит курицу с насеста или утку из птичника — и поминай как звали. Сколько от ее набегов вреда народу!

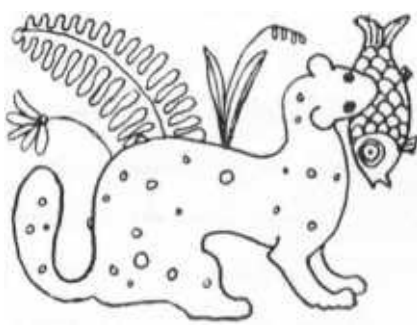
Про Ежа скажу так: хоть он мал и подобен каштану, зато коварен и мелочен. Если вокруг никого нет, он распрямляется во весь рост, но только завидит Человека — тотчас сворачивается в клубок и прячется в опавших листьях. Лапы у него коротышки — ему не поднять дыню, что зреет на бахче, потому он и накалывает ее на спину и тащит к себе в нору, словно ребенка^[56]. Не сорвать ему и плода, что зреет на дереве, вот он и подглядывает в щели дома Шиншиллы и Крота и тащит у них все, что плохо лежит. Да что говорить, своими гнусными повадками он не отличается от Лисы и Рыси.

Выдра никаких забот не ведает — может жить и в воде и на суше. Она бесчинствует в лесах, нападает на слабых тварей и пожирает их, да еще кичится своим проворством и смекалкой. Ее пушистая меховая шуба хорошо защищает от холода; потому-то Люди, завидев Выдру, загораются желанием поймать ее. А Выдра, глупая, неосторожна, — пытаясь спастись, она без толку прыгает и мечется. И тогда охотники, желая выгнать ее из зарослей, поджигают лес, от чего страдают все его обитатели! Выдра же заботится только о себе, о других — ничуть! Вот почему многие точат на нее зубы.

Не умолчу и о Сайге. Днем она прячется в лесной чаще, набивая брюхо мягкой травой и листьями, а ночью спускается с гор и вытаптывает поля, поедает ячмень, вынуждая крестьян голодать. А я-то всего-навсего подобрала рис, рассыпанный на полу Королевской кладовой. Кто же из нас больше вредит: я или Сайга? Кто из нас настоящий преступник?

Зайца, самке которого родить что плюнуть, в древности «плевакой» называли. Но заячий род прославился не только плодовитостью: заячья душа известна своею подлостью. Встретит Заяц Тигра и начнет перед ним заискивать: «Дядюшка! Дядюшка!..» Провалится Заяц в яму — созовет Мух и заставляет их откладывать яички, чтобы по ним из ямы выкарабкаться. Хитростью заставил Заяц морскую Черепаху перевезти его через реку, хитростью победил он Орла^[57]. Разве может такая гнусная тварь чистосердечно признаться в своих грехах?

Что до Оленя, то природа не наградила его ни умом, ни изворотливостью. Зря он бахвалится, называя себя другом отшельников, все ведь знают, что Олень готов своровать пищу у любого охотника. Да он иного ремесла, чем воровство, и не знает! Олень почитает себя священным животным, но всякого зверя подозревает в желании подстроить ему ловушку. Олень не сознает своего ничтожества, но, право же, все, что он говорит, — одно бахвальство.

Что же сказать про Кабана? Тупее и упрямее твари нету на свете. Кабан всегда идет напролом. В желаниях он неводержан — готов проглотить разом чуть ли не целый дом вместе с черепичной крышей. В поисках пищи Кабан выворачивает с корнем деревья и ломает утесы, глотает кобр и других ядовитых змей, подрывает рылом бобы и просо на полях, пожирает все, что только ни попадется ему на пути. Это не вор, а ворище!

Баран и Козел с крестьянским хозяйством неразлучны, для хозяина они — большая ценность. Вот Люди и ухаживают за ними весьма усердно. Но ведь каждая жиринка, каждая шерстинка у этих животных смогли появиться только благодаря зерну. Я, старая, давно живу в кладовой и видела не раз: пролезут Баран и Козел через дыру в стене, кривыми рогами мешки с зерном распорют, да и начнут в них копать. Только и слышно, как зерно с шуршанием из мешков сыплется. Что и говорить — в ограблении кладовой Баран и Козел немало повинны. А послушать их — так они никогда и близко к этой кладовой не подходили! Виданы ли где подобные лгуны? Прошу вас, ваша милость, приглядитесь к ним получше.

Про Обезьяну, которую называют подобной Человеку, скажу вот что: она подражает другим, когда надо и не надо; известна она также своею прожорливостью: чтобы набить брюхо, эта тварь не пожалеет ни себя, ни ближнего своего. Как-то раз люди, хорошо знающие повадки Обезьян, пришли в лес, разложили вино и закуски и начали пировать, а сами то и дело друг друга за руки хватают. Схватятся раз, схватятся другой — да так, чтобы Обезьянам видно было. Окончив пирушку, спрятались Люди за деревьями, а сами на Обезьян смотрят. И что же? Зная коварство Человека, Обезьяны держались поначалу в отдалении, но потом соблазнились остатками пищи; подошли к месту пирушки, начали пить вино да пожирать закуски и при этом крепко хватать друг друга за лапы. Тут Люди из-за деревьев повыскакивали и без труда всех Обезьян переловили! Видите, какие прожорливые твари Обезьяны. А эта негодяйка сначала соблазнила старуху Мышь на кражу зерна, а потом решила на меня же всю вину свалить. Вот какое вероломство!..

Что до Слона, — тело у него великанье, а душонка мелкая, трусливая. Враждуем мы с ним издавна. Частенько, забравшись к нему в хобот, царапаю я слоновьи мозги и тем мщу за предков. Потому-то Слон и ненавидит весь наш мышиный род. Что ж тут удивительного, если он оклеветал меня?

Про Шакала скажу одно: ни дать ни взять убийца, хотя напасть на Человека у него силенок недостает. Будь он силен, как Тигр, он и вредил бы не меньше Тигра.

А Медведь? Силен, как Тигр, но храбростью уступает даже Шакалу. Пока вы не вспорете ему шкуру и не подпалите ее на огне, ни за что в своих прегрешениях не признается.

Что же касается Мула и Осла, так эти твари только и умеют, что хвастать своею выносливостью да вопить во всю глотку. Но стоит, ваша милость, пригрозить им строгою карой,

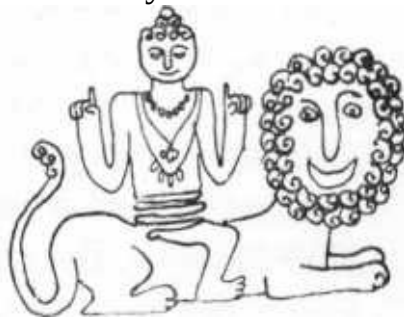
они тотчас во всех преступлениях признаются.

Вол и Конь — притворщики, делают вид, будто удары кнута им не нужны, будто они и без того слушаются погонщика. Но попробуйте только ослабить узду — они тотчас заберутся в огород; снимите упряжь — сразу побегут набивать себе брюхо жратвой. Ну, разве не подлые твари? А лягнуть насмерть хозяина или переломать кости его родным — ни тому, ни другому ничего не стоит! Напрасно ваша милость думает, будто можно их приручить, будто можно им верить!

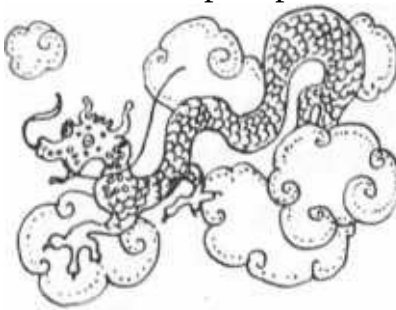
Теперь о Единороге. Мудрецы прославили его как самое что ни на есть добронравное животное. Увидеть во сне Единорога — хорошая примета. Потому-то вы, ваша милость, так к нему и расположены — не даете против него дурного слова молвить. Но для меня добродетели Единорога под сомнением, и вот почему: во-первых, на конце единственного рога висит у него кусок мяса. Правда, говорят, Единорог Людей не убивает, вреда зверям не чинит, но это, я полагаю, просто от немощи. Иные склонны почитать Единорога царем всех трехсот шестидесяти видов живых тварей, одетых шерстью. Но ведь могущество этого зверя и в сравнение не идет с могуществом Тигра или Волка. Живут Единороги не стадами, а поодиночке, в захолустных уголках, избегая шумных поселений. Я, собственно, не вижу разницы между Единорогом и обитающим в глухом лесу бездельником анахоретом, у которого только и есть хорошего что громкая слава... Кроме того, сомнение вызывает у меня и следующее: просвещенность Яо и Шуня^[58] не уступала мудрой просвещенности Конфуция, но никогда я не слыхала, чтобы в садах Яо и Шуня обитал Единорог. Значит, поверие, будто Единорог всегда рождается одновременно с мудрецом, — всего лишь пустая болтовня. На первом году правления князя Ай-гуна^[59] охотник поймал Единорога. Зверь этот был никому не ведом, и только Конфуций открыл, что это Единорог. И вот теперь, пока не родился новый Конфуций, любое неизвестное животное именуют Единорогом и взирают на него, как на чудо. Но это такое же заблуждение, как называть Оленя Лошадью. Поверьте, ваша милость: много есть на свете созданий, слава о мнимых добродетелях которых непомерно раздута! Люди говорят, что когда Конфуций, составляя «Чуньцю», дошел до слов «охотники поймали Единорога», он уронил кисть и заплакал. Но это весьма сомнительно. Во времена «Чуньцю» дети нередко убивали родителей, вассалы умерщвляли правителей, воины одной страны топили в потоках крови народ другой, варварские племена разрушали китайскую культуру! Ужасные, раздирающие душу события! Так вот, говорят, Конфуций, дойдя до слов «охотники поймали Единорога», внезапно опечалился и не мог более взяться за кисть. Итак, мудрец, принявший на себя заботу обо всем сущем, не в силах был вознести зверя превыше Человека! Логика, которую очень ценил Конфуций, учит нас, что подлинно благородным должно почитать лишь того, кто обладает и добротой и мудростью. А посему, увидев, что прославленный зверь, коего почитали до чрезвычайности мудрым, оказался настолько глуп, что попал в западню, Конфуций понял: случилось это потому, что Единорог, ослепленный алчностью, не мог разобрать, куда можно и куда нельзя ступать. Не сочтите, что все это я измыслила, дабы оправдаться в своем прегрешении. Я открываю то, что лежит у меня на душе, и думаю, что поступаю правильно. Простите же, если речь моя не всегда понятна.

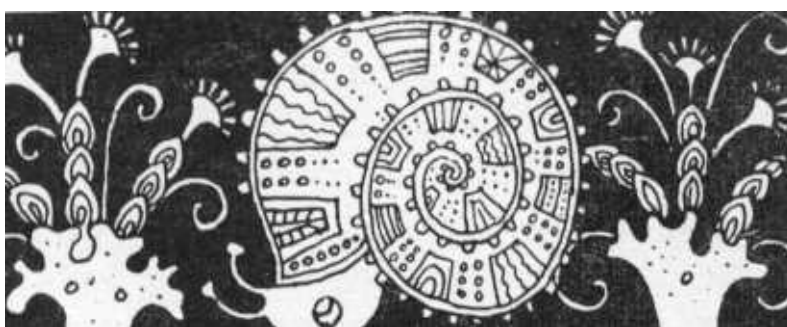
А про Льва скажу вот что: рожден он в Индии и почитается священным животным. Но ведь буддизм, тоже рожденный в Индии, не есть тот путь, который должно избрать человечество; пустыми, лживыми словами буддизм лишь смущает народ, заставляя его поклоняться идолам. И вот индийский Лев, воспитанный на учении Будды, тщится доказать, что он царь, и для устрашения всех прочих тварей издает громоподобное рычание. Говорят, Будда сиянием своей мудрости ослепляет злых Духов и освещает мир с десяти сторон; говорят, Будда из глины создал Человека. Но если вы заглянете ему внутрь через «задние ворота», то увидите там одно дерьмо! ^[60] А раз сам Будда таков, то Лев, на котором он ездит, не более чем бездушная плоть! Наша мышьяная братия по ночам пожирает в храме приношения, предназначенные Будде, а Будда, бесчувственный идол, восседая на золотом Льве, безгласно взирает на эти бесчинства. Когда буддийские монахи издадут «львиный рык» ^[61], бьют в колокола и возносят моления Будде, в душе они славословят не его, а молодых красоток и вкусную, свежую рыбу. Лев — такой же ханжа, как они, а потому уважения он не заслуживает.

Наконец, о Драконе и Тигре. Величавые, священные животные! И все же, не в обиду им будь сказано, они сурово обращаются с живыми созданиями, будь то Человек или зверь. Разве Тигр не поедает с жадностью всех теплокровных? А Дракон? Небо даровало ему власть над ветрами и тучами, он же употребляет эту власть во зло! Разве не Дракон, насылая смерчи и ливни, уничтожает людские жилища и посевы, превращает их в отравленную пустыню? Жестокость Тигра и бессердечие Дракона известны исстари, и я не стану лишний раз поминать их. Так почему же ваша милость дарит их своим уважением и доверием? Будь я, старая, сильна, как Тигр, и могуча, как Дракон, вы, наверно, не стали бы называть меня воровкой! Но что я перед вами?! Мелкая зверюшка! Сколько унижений я претерпела, сколько отведала в жизни горечи!..

Итак, ваша милость, я раскрыла перед вами суть каждого зверя, и не только зверя, но и бессердечных Ивы и Персика, а также «священного» Тигра и «священного» Дракона. Все они — создания природы. Водится среди них и мелюзга, подобная мне, идущая у них на поводу и подстрекаемая ими на преступления. Поверьте же, ваша милость, моему чистосердечному признанию: лжи в нем нету ни капли!

Молча выслушал Хранитель кладовой пространные объяснения старой Мыши, смежил в раздумье веки, потом открыл их и сурово изрек:

— Негодная тварь! Клеветница! Ничтожество!

И приказал тюремщикам надеть на Мышь колодки.

В притворном раскаянии пала преступница перед грозным судьей ниц и трепетным голосом взмолилась:

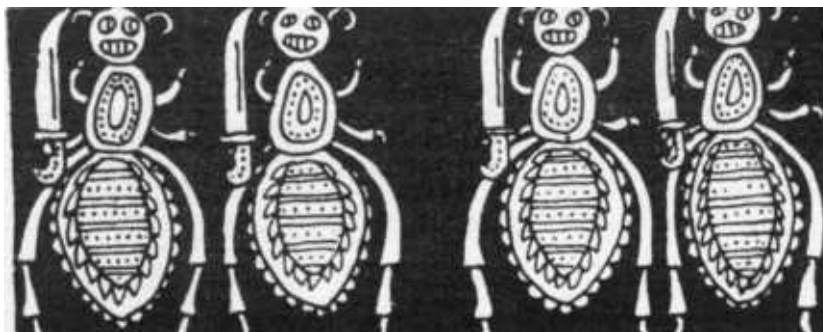
— Выслушайте меня, ваша милость! В детстве случалось гулять мне под окнами школы; слушала я, как дети учатся, слово за словом разбирая по книге, и сама кое-чему научилась. Уж если Ласточки умеют читать «Луной», а Лягушки — «Мэн-цзы»^[62], то разве не могу и я выучить все это? В древних книгах написано: «Когда погибает птица, в ее крике жалоба, но не угроза; когда умирает человек, в его речах — доброта». Итак, люди и животные одинаково незлобивы, хотя не во всем походят друг на друга. Я поведаю вам, ваша милость, все без утайки. Выслушайте же мою предсмертную исповедь! Вы должны мне поверить!

Видит хитрая Мышь, что слова ее растрогали Духа. Воодушевилась она еще более и снова заговорила:

— Усерднее всех помогали мне Улитка и Муравьи. Уж так я мучилась, пытаюсь беззубым старушечьим ртом прогрызть крепкие стены кладовой! Но тут приползла Улитка. Пожалела она меня, обильно смазала стены слюной, что текла у нее из раковины, словно кунжутное масло из разбитой бутылки. Потому-то я и справилась с тяжелой работой. Это ли не пособничество преступлению?

Грызу, значит, я стену, рою лапами землю, а кругом пыль столбом, труха сыплется — ни глаз открыть, ни дух перевести... На мое счастье, увидела это Царица Муравьев, созвала свое войско и повелела перенести выкопанную землю подальше от дыры. Я и оглянуться не успела, как Муравьи с работой управились; тут только смогла я вздохнуть свободно. Дала я лапам маленько поразмяться и вскоре без особого труда довершила дело. Не помоги мне Муравьи, никогда бы мне в кладовую не пробраться!

* * *

Выслушал Дух-хранитель признание Мыши. Повелел он Святому Воинству поймать Улитку, перевязать ее поперек туловища веревкой и приволочь в суд. Приказал он также найти

муравейник, завернуть его в большую шкуру и вместе со всеми Муравьями доставить в суд. Выполнили Воины приказание, и начал Хранитель кладовой допрашивать обвиняемых.

Глотая слюни и утирая слезы, уныло пропищала Улитка:

— По душе мне сырые места, потому-то тело мое никогда и не высыхает. Приклеюсь я к старому камню или замшелым плитам, да так и сижу, а когда ползу, оставляю слюну на развалившихся заборах и рухнувших стенах. Рожки мои насмешливо торчат, как бы посмеиваясь над любителями мелких распрей, круглый домик мой создан в насмешку над жилищами дикарей^[63]. Никогда я не выпускаю слюну с целью захватить добычу, как же могла я быть соучастницей преступления?

Привели к Хранителю кладовой Муравьев. Выстроились Муравьи в ряд по-военному и в один голос, негодуя, заявили:

— Потомки воинственного племени и сами хорошие воины, стоим мы всегда за правду и не терпим лгунов. В свое время щедро отблагодарили мы Сун Сяна за бамбуковую лестницу^[64], а Чуньюю показали во сне блага Страны Ясеневого Покоя^[65]. Старая поговорка гласит: «От муравьиной норы и тысячеверстная плотина рушится!» Но верьте нашему слову: не трогали мы землю у Королевской кладовой, как не трогали государственную казну. Мы занимались своим обычным делом — обучались построению войск, а лживая Мышь наговорила про нас невесть что! Как же тут не гневаться?!

* * *

Выслушал Дух-хранитель речи Улитки и Муравьев, повелел отправить их всех в темницу, а Мыши приказал назвать истинных пособников преступления.

Старая Мышь — мешок хитростей — думает: «Наземные животные упрямые, неповоротливы и глупы, — их трудно заподозрить в подстрекательстве к преступлению. Зато пернатые, парящие в воздухе, от природы легки и ясны духом, нрав у них податливый, а ум неглубокий. Затуманю им головы своей болтовней, напугаю неприступностью судьи, — разве посмеют перечить мне те, кто порхает в воздухе, танцует в облаках, щебечет по утрам и воркует по вечерам? Взвалю на них вину — и дело с концом!»

И вот, приняв смиренный вид и призвав небо в свидетели, снова заговорила Мышь:

— Когда я, старая, собралась грызть стену кладовой, ночь была темным-темна, хоть глаз выколи. Стукнулась я головой о камень, ноги завязли в грязи — ни вперед, ни назад. Тычусь, как слепая, нащупываю дорогу, а сама боюсь в мышеловку угодить. Я уж отказалась было от своего намерения в кладовую пробраться, но только было собралась уходить, как прилетел из леса Светлячок и зеленым огоньком посветил мне. С его помощью я и пробралась в кладовую. Кто же, если не Светлячок, помог мне похитить зерно?

Хорошую службу сослужил мне Петух. Стала я усердно грызть стену, но стена была толстая и крепкая — немало пришлось потрудиться, прежде чем работа пришла к концу. В спешке я и не

заметила, как рассвело. Но тут Петух, хлопая крыльями, прокричал свое «кукареку». Смотрю я: на востоке уже заалели лучи солнца, откуда-то доносятся людские шаги и голоса. Бросила я работу, кинулась со всех ног в свою нору, да и притаилась там, едва дыша от страха. Не предупреди меня Петух, попала бы я в руки сторожей. Кто же, как не Петух, помог мне?

Хоть и знал уже Дух коварство и лживость старой Мыши, а все же решил еще раз поверить преступнице. Повелел он привести обвиняемых и в гнев сказал Светлячку:

— Драгоценным огнем надлежит тебе освещать путь к Истине^[66]. Почему же стал ты сообщником преступления?

Спросил он и у Петуха:

— А ты зачем помог преступнице?

Дрожа мелкой дрожью, отвечал перепуганный Светлячок:

— С незапамятных времен зарождаюсь я в гниющем сене, обитель моя — дремучие леса. Когда налетает прохладный осенний ветер, я распускаю крылья и лечу; когда солнце заходит за горы, зажигаю свой огонек и лечу. Случается, опускаюсь я на письменный стол ученого и заменяю ему свечу, иногда сажусь на одежду поэта, озаряя его седые волосы. При свете солнца я угасаю, во мраке ночи никогда не лгу.

Ну и удивился Петух, когда взяли его под стражу. Нежданно-негаданно свалилась на него беда: впервые попал он в суд. От испуга вытянул Петух шею и стал хрипло кричать, но вскоре успокоился, распрямил свой красный гребешок и заговорил:

— Мое дело — возвещать зарю! Голос мой призывает солнце! На заставе Ханьгу спас я от погони Тянь Вэня^[67], ночью заставил Цзу Ти плясать от радости^[68]. Мой утренний клич напоминает вассалу о верности государю, а добродетельной жене — о нерадивости гуляки-мужа. Непричастен я к преступлению Мыши!

* * *

Допросив Светлячка и Петуха, Дух повелел отвести их в темницу, а сам сказал Мыши:

— Знаю теперь, что светить в темноте — назначение Светлячков, а кричать по утрам — обязанность Петуха. Значит, ни Светлячок, ни Петух не могли быть соучастниками твоего преступления, невиновность их очевидна. Кто же был твоим сообщником? Говори немедленно!

Назвала Мышь Кукушку и Попугая.

— Прогрызла я стену кладовой, а предо мною — земляная насыпь; с трудом разгребая землю, стала я перетаскивать ее в другое место. Мне и невдомек, что поблизости Кошка притаилась, глаз с меня не спускает. Но тут села на дерево Кукушка и прокуковала: «Лучше вернуться! Лучше вернуться!»^[69] Я сразу догадалась, что грозит мне опасность, и кинулась со всех ног к своей норе. Тут-то Кошка на меня и прыгнула: когти выпустила, зубами скрежещет; да только я уже далеко была! Так спаслась я от коварной хищницы. Разве не Кукушка помогла мне избежать беды?

Но это еще не все. На другой день попробовала я снова в кладовую пробраться; гляжу — передо мной груда камней, сдвинуть их мне не под силу. «Ну, думаю, придется бросать эту затею!» Но тут прилетел Попугай, сел на ветку и говорит: «Мышь, прогрызи дыру! Мышь прогрызи дыру!» Я и послушалась; забыв про усталость, с новыми силами принялась за дело. Разве не вправе я сказать, что на преступление толкнул меня Попугай?

Выслушал Дух эту речь и велел Воинам привести подстрекателей.

Горько заплакала Кукушка:

— Я — душа покойного властителя царства Шу, извечный гость Башаньских гор. Можно ли не печалиться вдали от родины? Когда луна горюет над безлюдными горами, я кукую: «Лучше вернуться! Лучше вернуться!» Поэт услышит — прослезится, путник услышит — задумается. От века звучит в лесу мой голос, почему же уверяет эта Мышь, что пела я ради нее?

Затем шумно затараторил Попугай:

— Я выходец из Луншаньских гор, желанный гость Людей. Разумом постигаю я мирские дела, речью могу подражать Человеку. Во дворце танского императора читал я стихи, в доме почтенного Яна разоблачил коварную изменницу, звал меня Мин-хуан и «Белоснежкой», и «Зеленым Чиновником»^[70]. Поэт Ми Хэн воспел меня как «Священную птицу с Запада»^[71], а Бо-Цзюй-и^[72] прославил мою родину, что к востоку от Янцзы. Душа и повадки у меня птичьи, но разговариваю я языком человеческим. Да разве мог я, священная птица, участвовать в преступлении Мыши? Поболтать я люблю, вот Мышь и воспользовалась моей слабостью, чтобы возвести на меня поклеп. Впредь буду я молчать, рта не раскрою, что бы ни случилось!

* * *

Выслушал Дух Кукушку и Попугая и думает: «Попугай, конечно, невиновен. К тому же, он открыл мне, что обладает чудесным даром — изобличать преступников; надо будет иметь это в виду. Кукушка же — птица беспокойная и мстительная, Людей не любит. Но что ни говори — она душа властителя царства Шу, значит, обращаться с ней надо бережно».

И порешил строгий судья отослать Попугая обратно в горы Луншань, а Кукушку поселить в саду, подле кладовой, усадив ее на рододендрон, прозванный «Кукушкин цвет». Отдал Дух надлежащие приказания и говорит Мыши:

— Кукушка куковала без всякой цели. Попугай разговаривал сам с собой. Кто же наконец твои сообщники?

Назвала Мышь Иволгу и Бабочку.

— День изо дня набивала я, старая, брюхо белояшмовым рисом и жила припеваючи. В один погожий вечер, когда поблизости и человеческого голоса не было слышно, отправилась я в свое излюбленное местечко утолить голод. Прихожу — а на дереве сидит золотистая Иволга; прилетела неведомо откуда и нежным голосом чудесные песни поет, а меж цветов, соревнуясь в танце, порхают белые Бабочки. Обрадовалась я и стала с ними резвиться — они ведь мои закадычные друзья.

Подумал Дух и повелел Святому Воинству доставить в суд обвиняемых. Привели Воины Иволгу и Бабочку. Спрашивает их Хранитель кладовой:

— Правда ли, что вы резвились с Мышью? Правда ли, что подбили ее на преступление?

Нежным, трепетным от волнения голосом ответила Иволга:

— Когда налетает восточный ветер и перестает моросить дождик, цветы в горах улыбаются своими нежными устами, а ветви Ивы, что склонилась над рекой, раскрывают — будто глаза — зеленые почки и колышутся в танце. Тогда покидаю я тихие долины и улетаю в цветущие луга, в зеленые чащи. Пронзительный, как игла, голос мой прогоняет весенние сны, а легкое, словно ткацкий челнок, тело порхает меж ветвей плакучей Ивы. С давних времен своими песнями перекликаюсь я с поэтами... Да разве могла бы я делить радость с таким ничтожеством, с таким подлым существом, как эта Мышь?

Затем, взмахивая хрупкими крылышками, заговорила Бабочка:

— Когда у подножия гор расцветают цветы, а у речной дамбы зеленеют чудесные травы, наши белые крылья мелькают, словно снежинки в дуновении легкого ветерка; танцуем мы парами, напоминая опадающие лепестки цветов. Вместе с отшельниками искали мы дорогу в зеленых горах, мы являлись во сне Таньюаньцу...^[73] Я от рождения веселого, легкого нрава — что же в этом преступного?

Допросил Дух Иволгу и Бабочку и думает: «Распевать песни и плясать любят одни только повесы да развратницы. Нет, ни Иволге, ни Бабочке верить нельзя!» И повелел он заключить обеих в темницу. Потом обратился к старой Мыши:

— Когда щелкает Иволга, Люди называют это песней, когда порхают Бабочки, Люди называют это танцем. Но ведь для Иволги и Бабочки песня и танец — не развлечение, это их обычное занятие.

Сказал так Дух и повелел Мыши выдать подлинных сообщников.

Называет Мышь Ласточку и Лягушку.

— Я жалкая, ничтожная зверюшка, попав в кладовую, нежданно-негаданно разбогатела. Сбылись мои мечты, стала владеть я огромными запасами риса и зажила припеваючи, не завидуя даже Тигру. Одно не давало мне покоя: как быть, если преступление раскроется? Ломаю над этим голову, а тут на южной стороне, под стрехой крыши, появляются две Ласточки и приветливо щебечут, обращаясь ко мне: «Чичжи ви чичжи, пучжи ви пучжи, си чжия», что означает: «Я знаю: что знаю — то знаю, чего не знаю — того не знаю». И так они повторили сто, тысячу раз. Я, конечно, поняла, что, когда преступление будет раскрыто и судья учинит мне допрос, я должна отвечать только: «пучжи, пучжи», то есть «не знаю, не знаю».

Передохнув, Мышь продолжала:

— И вот, когда мне на старости лет повезло — привалило богатство, Лягушки, что живут в пруду, поблизости от кладовой, стали мне завидовать. Выпятив животы и раздув щеки, они упорно надоедали мне; голосами трескучими, будто крестьянский барабан, без конца твердили они: «Тоганнак, ечжун аннак суннак», что означает: «Ты радуешься одна, не лучше ли радоваться вместе?» Лягушки давали этим понять, что я должна поделиться с ними богатством. Они изрядно докучали мне своим кваканьем, но ни одна не донесла на меня в суд, за что я, скажу по совести, весьма им благодарна. Как видите, ваша милость, в конечном счете Лягушки-то мне и помогли!

Выслушав признания Мыши, Хранитель кладовой призвал Ласточку и Лягушку и учинил им строгий допрос.

Вскидывая голову и оправляя черные перышки, Ласточка взволнованно прощепетала:

— С давних пор мы, Ласточки, обитаем к югу от Янцзы. Весной супружеские пары улетают в северные края, а осенью возвращаются с детишками на родину. Мы приносим в клювах красную глину и строим себе гнезда под стрехами крыш. Когда дует ветерок, мы летаем по улицам столицы, предвещая перемену погоды. Охотно резвимся мы вокруг цветов, порхаем среди ивовых ветвей. Речь мы заимствуем у поэтов, буквы учим по сочинениям ученых. Мы служим Людям, доставляя их письма в далекие края. Сердца наши вечно тоскуют о героях минувших дней. Всегда говорим мы только правду, зачем же Мышь называет нас обманщицами?

Раздувая грудь наподобие кузнечных мехов, заговорила разгневанная Лягушка:

— Мы, Лягушки, существа незаметные, живем, не вылезая из колодца^[74]. Когда в пору желтых слив моросит мелкий дождик или серебристая луна освещает наш заросший зеленой

травой водоем, мы не можем удержаться, чтобы не пропеть «нак-нак» — «радость-радость». Выразать свои чувства иначе мы не умеем. В старину глупец гадал: для кого мы поем?^[75] Но стоит ли над этим задумываться? Конечно же, только для себя! А у жадных Мышей иной заботы нет, как только брюхо себе набивать!

Отправил Дух-хранитель Ласточку и Лягушку в темницу, а сам говорит Мыши:

— Щебетание девочек-Ласточек и кваканье ветрениц-Лягушек — их обычный разговор. Назови же мне своих настоящих сообщников!

И назвала ему лгунья Летучую Мышь и Воробья.

Схватили Летучую Мышь в полдень, при ярком свете солнца. Не в силах раскрыть глаза, растерянно шарахалась она из стороны в сторону. Впервые увидел Хранитель кладовой столь мерзкое создание. Допросил Дух Летучую Мышь. Трепеща от страха, пробормотала она:

— Когти мои — острые иглы, крылья — подобны круглому зонту, но передвигаюсь я весьма осторожно, ибо всему предпочитаю покой. Я не птица, но и не животное, — я нечто среднее, я не дружу ни с птицами, ни с животными. Сухими безветренными ночами вылетаю я из гнезда и охочусь за насекомыми, на рассвете, когда прячется луна и гаснут звезды, сажусь на деревья и поедаю плоды. По невежеству часто путают меня с Мышью, но я совсем иное существо!

Затем, боязливо вертя головкой, жалобно зачирикал Воробей:

— Разум помогает нам, Воробышкам, выбрать дерево, чтобы свить себе гнездо. Любим мы галдеть на полях, склевывая спелые колосья, а когда прольется дождь, охотно пьем росу из чашечки цветка. На рассвете отгоняем мы от поэта сон, весной воспеваем природу. Как можем мы, парящие в облаках, жить в согласии с теми, кто ползает по земле?!

Не по нраву пришлась Хранителю кладовой Летучая Мышь, а чириканье Воробья просто раздражало его... И повелел Дух отправить обвиняемых в темницу. Потом обратился он к старой Мыши:

— Не могу поверить, что Летучая Мышь и Воробей были с тобой в сговоре. Назови наконец истинных подстрекателей!

И тогда назвала Мышь Ворону и Сороку.

— Всем известно, что Ворона — зловещая птица, Сорока же всегда держится рядом с ней. Свили они гнезда на высохшем дереве, у входа в кладовую, да и глазели изо дня в день на мои проделки. Но в управу не доложили! Более того, они лгали, будто ничего предосудительного не заметили! Разве не скрыли они от властей мое преступление?

Вызывает Дух Ворону и Сороку.

Печально поникнув клювом, прокаркала Ворона:

— Я наследница Золотой Птицы — Солнца, супруга Яшмового Зайца^[76]. Соплеменники мои слетались некогда ко дворцу императора Шуня, чтобы прославить Великого Мудреца^[77]; летая по дорогам государства Силла^[78], разоблачали мы бунты и мятежи. Поэт Мэй Шэн-юй^[79] восхищался в своих одах нашими пророчествами, великий Ли Тай-бо^[80] звучными стихами воспел нашу правдивость. В День Холодной Пищи выкрадываем мы из могил бумажные деньги^[81] и летаем с ними по свету; осенью, когда опадают листья, улетаем в дальние края, унося с собой заходящее солнце. Меня называют священной птицей, — могла ли я участвовать в преступлении этой твари? Есть старинная поговорка: «Любишь человека, люби и ворону на крыше его дома». Вы же, ваша милость, не любите Мышей и переносите свою нелюбовь на Птиц, у которых нет с Мышами ничего общего. Как же тут не печалиться, как не досадовать?

Затем, прыгая по залу, застрекотала разгневанная Сорока:

— Природа наделила меня не только сметливостью, но и бойким говорком. Живу я на деревьях близ людских селений; хорошо зная, куда дует ветер, я первая приношу людям

радостные вести. Это я в стране Петушиный Лес подала старухе весть о сундуке и короле Сок Тхар Хэ^[82], это мы, Сороки, выстроили для Волопаса мост через Серебряную Реку^[83]. Никогда никто не называл меня преступницей! Не верьте, будто я помогала этой хищнице!

* * *

Окончил Дух-хранитель допрос, отправил Ворону и Сороку в темницу и говорит Мыши:

— Ясно мне, что Ворона и Сорока невиновны. Кто же все-таки подстрекал тебя к воровству?

Отвечает Мышь: Коршун, мол, и Сова.

Злобно глянул Коршун на Мышь и, негодуя, заявил:

— Летаю я под самым небосводом, и мудрецы воспевают мой горделивый полет. Когда я протяжно кричу, призывая дождь, крестьяне ждут, что настанет непогода. Люблю я резвиться в голубом небе, пищу предпочитаю дымящуюся кровью: часто нападаю на Зайцев, похищаю Цыплят. Очень сожалею, что уже давно не заклевал эту старую Мышь!

Сова заухала:

— Когда я была молода и глупа, совершила я тяжкий грех: убила свою мать... С тех пор не могу я поднять головы и в ясный день показаться на свет. Когда луна уходит из леса, я кричу зловещим, сдавленным голосом; когда под старыми деревьями сгущается туман, — летаю, взмахивая короткими крыльями. Заслышав человеческий голос, прячусь подальше, даже звери пугают меня. Пусть я навеки опозорена, — не желаю разевать клюв, чтобы оправдываться перед Мышью. Ведь эта гнусная, бессердечная тварь проникла в Королевскую кладовую и сожрала зерно — народное достояние! До конца своих дней буду сожалеть, что не истребила весь мышиный род!

* * *

Выслушал Дух речи Коршуна и Совы и, возмущенный кровожадностью этих птиц, повелел заключить их в темницу. Потом обратился к Мыши:

— Коршун и Сова — твои враги, и оговорила ты их из мести. Сознаешься ли ты наконец, кто были твои сообщники?

Мышь назвала Гуся и Утку.

Задержали Гуся, привели в суд. Захваченный врасплох, зашипел Гусь, пригибая шею к земле:

— Живу я близ рек и озер, а иногда и в доме Человека. Некий Чэнь Чжун-цзы, впервые увидев меня и отведав моего мяса, выплюнул его, за что получил прозвище «Бескорыстного», даос^[84] из Шаньиня подарил знаменитому Ван Си-чжи^[85] Гусей, а тот переписал для него книгу «О Пути и Добродетели». Резвясь в прозрачных водах, играю я со своей тенью, поклевываю солнечные лучи, сушу перья. Всю жизнь восставал я против воровства, а вы обвиняете меня в пособничестве воровке! Разве не обидно?!

За ним, задрав длинный клюв, закрикала Утка:

— Днем плещусь я в реках и озерах, ночью сплю или бодрствую на берегу. Ноги у меня короткие, но душе доступно высокое. Иногда прихожу я к Людям и живу у них без забот. Да разве стану я побираться у мышиных нор?

* * *

Окончив допрос, повелел Дух заключить Гуся и Утку в темницу и говорит Мыши:

— Гусь и Утка ни в чем не повинны. Открой мне всю правду!

Надумала тогда Мышь обвинить в подстрекательстве Крапивника и Голубя.

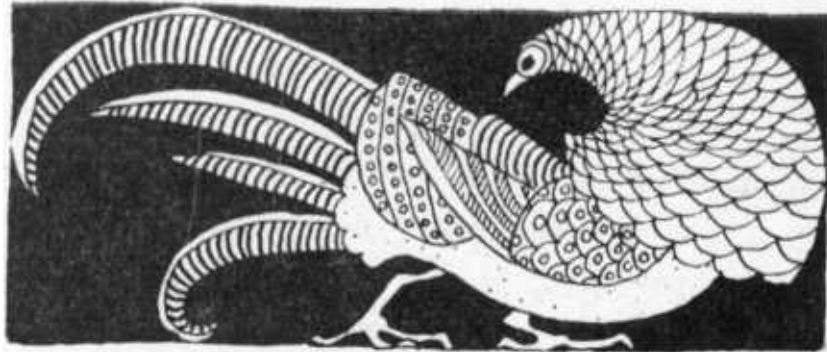
Тонким голосом пропищал Крапивник:

— Я крохотная птичка: когда сажусь на дерево, меня принимают за кусочек пчелиных сотов; когда летаю — похож на дождевую каплю. Если и много полыни на лугу, все равно несу я в гнездо не больше одной травинки. Если и много в поле колосьев, все равно наедаюсь я досыта двумя зернышками. Смешно мне, когда птицы дерутся из-за пищи: никогда я не голодаю и этим весьма горжусь. Могла ли такая бескорыстная пичужка, как я, подружиться с этой обжорой?

Потом нежно заворковал Голубь:

— Когда в долины приходит весна и зацветают абрикосы, сушу я свое оперение в теплых лучах солнца, и легкий ветерок овеивает мое тело. Воркую я, призывая лето, а потом улетаю навстречу вечерней заре. Меня называют Вестником Сева, ибо песнями я призываю крестьян готовиться к пахоте. Разве мог я участвовать в преступлении?

* * *

Выслушал Дух-хранитель Крапивника и Голубя, повелел заключить безобидных птиц в темницу, а сам говорит Мыши:

— Крапивник и Голубь сказали чистую правду — неповинны они в преступлении. Говори же, кто твои сообщники!

Называет тогда Мышь Перепела и Фазана.

Привели в суд Перепела; потряхивая маленькой головкой и едва приметным хвостом, взмолился он:

— Соплеменники мои живут в камышах, питаются травами и ягодами. Мясо наше вкусно, как фазанье, хотя с виду мы от фазанов отличаемся. Нередко становимся мы, Перепела, добычей четвероногих. Подобно мудрецам, не имеем мы постоянного пристанища^[86]; подобно бедняку ученому, ходим в лохмотьях. При такой скромности к чему нам зариться на чужое добро?!

Наступила очередь Фазана. У подножий гор, на ступенчатых скалах, под карликовыми соснами вьет он теплое гнездышко. Сладка, как мед, была жизнь у Фазана с Фазаночкой, и вот затребовали Фазана в суд...

— Я горная Птица, частый гость полей и садов, — испуганно залопотал Фазан. — Конфуций восхищался мною и прозвал меня Горным Гребнем, но императрица Люй переименовала меня в Дикого Петуха!^[87] При звуках моего голоса несчастный чиновник вспоминает о своем одиночестве и поет грустные песни, узорами цвета моих перьев вытканы королевские одежды! При виде фазаньего мяса у многих текут слюнки... А эта подлая тварь желает Запятнать мою честь! Ее острая морда отвратительнее пасти Тигра! Если, по-вашему, я заслуживаю смерти, я готов умереть!

Допросил Дух Перепела и Фазана, повелел отправить их в темницу, а потом говорит Мыши: — Ясно мне, что Перепел и Фазан к хищению зерна непричастны.

Тогда назвала старая Мышь соучастниками своего преступления Сокола и Ястреба.

Осенним утром парил в небе Сокол... Вдруг напали на него Святые Воины и потащили в суд. Чуть не задохнулся Сокол от гнева. Молнией сверкнули его глаза, раскрыл он свой острый клюв:

— Я смел духом и жесток сердцем. Когда голоден — иду к Человеку, когда сыт — летаю, где вздумается. Завоет выюга — взмахну сизыми крылами и скроюсь в лесу, наступит ночь — вслед за серыми волками спускаюсь в долину. Могущество мое устрашает земных тварей, грозный взгляд приводит в трепет тварей небесных. Даже у свирепого Тигра при встрече со мной душа замирает, что уж говорить о всякой мелюзге! Сожалею, что ни разу не клюнул я эту старую Мышь. Оправдываться же в том, в чем я неповинен, не стану!

Затем, расправив серые крылья, заговорил разгневанный Ястреб:

— Мне нетрудно раздобыть себе пищу: крылья мои быстры, как стрела, выпущенная из лука, — подобно острому ножу со свистом рассекают они воздух. Нападая на свою жертву, распугиваю я всю стаю; заслышав вдали ястребиный клекот, звери и птицы в испуге кидаются врассыпную. Кто осмелится вступить в сговор со мною? Грудь моя полна неистового гнева, ярость не дает мне говорить...

Повелел Дух-хранитель заключить Сокола и Ястреба в надежную клетку и говорит Мыши:

— Сокол и Ястреб — могучие птицы, к чему им якшаться с такой мелюзгой, как ты?! Назови лучше истинных подстрекателей!

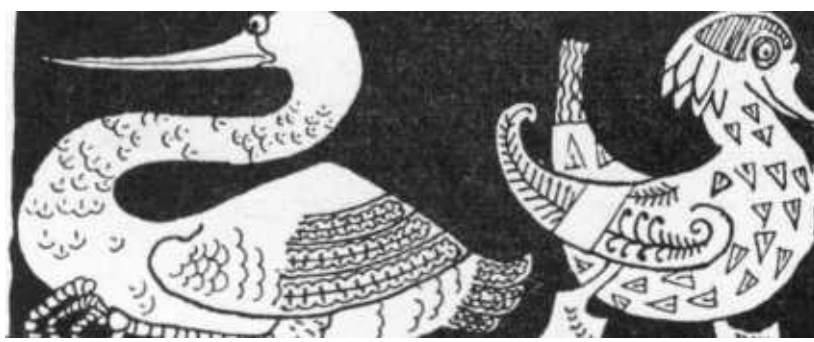
Называет Мышь Дикого Гуся и Лебеда.

Лунной ночью летел Дикий Гусь с попутным осенним ветром в края рек и озер — тут-то его и схватили Святые Воины. Жалобно и протяжно загоготал он;

— Живу я к югу от Янцзы, в Гуаньшаньских горах. Когда наступают холода, выхожу я из камышей и лунной ночью улетаю в теплые края, — тень моя мчится тогда по осенним полям... Летаем мы, Гуси, вереницей, тщательно сохраняя равнение — так безопасней для стаи. Всегда удавалось мне избежать стрел Человека, но вот, к несчастью, попал я в сети преступницы. Об одном сожалею: что не могу улететь в далекие страны. Умереть бы мне поскорее!

Летал над землею бездумный Лебедь — высоко над ним простиралось небо... Внезапно схватили его Воины Духа-хранителя. Молвил он, горделиво изогнув длинную шею:

— Мирских дорог я сторонюсь, мысли мои — высоко над облаками. Но тесен мир — негде укрыться от опасности; солнце и луна загадочны и непонятны, потому-то думы мои и стремятся ввысь. Рад бы я сопутствовать Дикому Гусю, улетающему в теплые края, не пристало мне дружить с убогими тварями, что копаются в земле... Схватили меня по ошибке, оправдываться я не желаю.

Запер Дух-хранитель Дикого Гуся и Лебедя в клетке, повелел отнести ее к пруду, что в саду подле кладовой, и говорит Мыши:

— Дикий Гусь и Лебедь существа незлобивые, — не могли они вступить с тобою в сговор. Назови же истинных сообщников!

Назвала Мышь Аиста и Крякву.

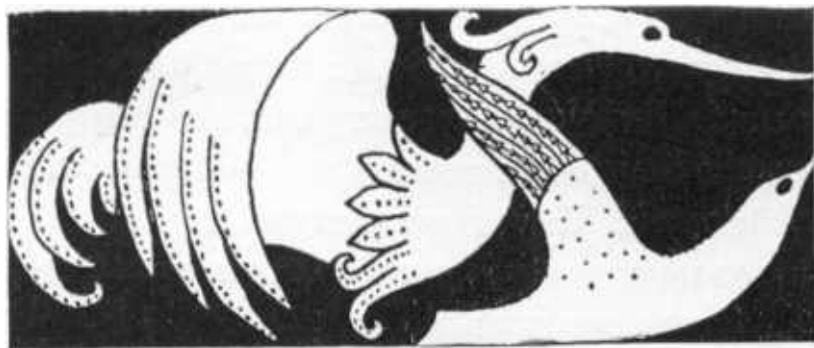
Задержали Аиста. Вытянув длинную шею, забормотал он:

— Попить и поесть на поле или на лугу — вот и все мои радости! Только когда темнеет — пристраиваюсь я на вершине дерева, у ручья; после дождя тихо брожу в камышах. От души ненавижу тех, кто швыряет в меня галькой, и потому всегда остерегаюсь ребяташек. Птицы отличаются от зверей, а разве между черным и белым различия нет?

Потом заговорила Кряква:

— Люди меня любят, но я не могу жить среди этих дикарей. Когда бледнеет луна и утренний туман одевает землю, мы, Утки, перекликаемся друг с другом; когда небо окунается в осеннюю воду, — вместе с вечерней зарей улетаем всей стаей на юг. Обличьем своим похожа я на старца в соломенном плаще, походкой — на сельского писаря со счетными книгами под мышкой. Душа моя чиста, как яшма! Хоть нож к горлу приставьте — вины за собой не знаю!

* * *

Отправил Дух-хранитель Аиста и Крякву в темницу и говорит Мыши:

— Не Аист и не Кряква подбили тебя на воровство. Сознайся, кто же?

Называет тогда Мышь Чайку и Белую Цаплю.

...Рejala Чайка над безбрежным морем и вместе с маленьким корабликом, барахтавшимся в пене, насмехалась над волнами. Схватили ее Воины, и сказала Чайка:

— Я покинула землю ради морских просторов, но поэты желают дружить со мною, рыбаки приглашают повеселиться с ними. Я засыпаю, когда восходит луна, и смеюсь, когда дождь застает меня на берегу. Мыши так же не похожи на чаек, как простые смертные на святых!

Цапля, с головы до ног разодетая в белые перья, выглядела, право же, очень величественно... Но вот поймали Цаплю. Обиженная, заговорила она:

— Издавна живу я вблизи рек и озер, не ведая мирской суеты. Перья мои подобны инею, лицо — словно белая яшма. Когда погружаюсь я в голубые весенние воды, Люди узнают меня

издалека; когда брожу в камышах — даже рыбы стаи не бегут от меня. В лучах утреннего солнца сушу я длинные свои одежды, в вечерней дымке прячусь от Людей. Да разве могу я, чье чистое тело омыто синими волнами, быть заодно с теми, кто копошится во прахе?

* * *

Повелел Дух отправить Чайку и Цаплю туда, где заключены были Дикий Гусь и Лебедь, потом призвал к себе Мышь.

— Чайка и Цапля — водяные птицы, у них свои заботы. Опять ты обманула меня!

Призадумалась Мышь. «Чайка и Цапля — с виду благообразны, по природе своей бескорыстны, — трудно заподозрить их в преступлении. Назову-ка я лучше подстрекателями птиц злобных и опасных!» И Мышь назвала Беркута и Орла.

Сидел Беркут на высокой скале и, высматривая добычу, обозревал окрестности. Тут-то и схватили его Воины. Гордо сказал Беркут:

— Я смелая, хищная птица; крылья несут меня подобно урагану. Если даже я голоден, птиц я не ем, поэт хвалил меня за это^[88]. Когда я болен, я страдаю от людской ненависти, — вспомните стихи Ду Фу^[89]. Я уважаю законы, — мог ли я помогать столь злобному существу, как эта Мышь?

Клюв у Орла изогнут подобно крестьянскому серпу, крылья шириной в восемь ча. Схватили воины Орла — захопал он крыльями и издал клекот, напоминающий грозное рычание Тигра. Пришлось, однако, ему покориться. Вскоре предстал он перед судьей и изрек:

— Живу я в расщелинах скал, летаю высоко в голубом небе. Когда взмываю ввысь и расправляю крылья, тень моя — словно облако средь ясного дня. Когда вихрем мчусь навстречу врагу — в дремучих лесах низко склоняются деревья. Люди страшатся, как бы я не клюнул их в голову, а звери — те и на глаза мне показаться не смеют. Сожалею лишь об одном: что не заклевал эту тварь и понапрасну слушал ее грязные речи.

* * *

Повелел Дух-хранитель сковать Беркута и Орла железными цепями и в гневе сказал Мыши:

— Орел и Беркут — хищные птицы, разве стали бы они якшаться с такими ничтожными и подлыми тварями, как ты? Назовешь ли ты, наконец, истинных подстрекателей!

Призадумалась Мышь: «Могучих пернатых хищников мне все равно не перехитрить, назову-ка я лучше птиц красивых и безобидных!»

И указала она на Зимородка, Мандаринского Селезня и Утку.

Ясным весенним днем миловались на берегу реки Зимородок и Зимородка, удивляя друг друга изысканным обращением. Вдруг откуда ни возьмись нагрянули Воины и потащили обоих в суд. Влюбленные обиженно залепетали:

— Выходцы из Вьетнама, мы редкие гости в этих краях. Наши красивые перья напоминают малахит, который китайцы так и называют «зимородковым камнем». Изображения наши вытканы на дворянских одеждах. Если Человек не поймает нас в шелковые тенета, мы радостно порхаем в весенних облаках, проплывающих над реками и озерами. Нет у нас ничего общего с такими гнусными животными, как Мышь, и потому сговориться с преступницей мы никак не могли.

Весело перекликаясь, беспечной и дружной парой летали над водами рек и озер Мандаринский Селезень и Утка. Нежданно-негаданно схватили их Воины Духа и доставили в суд.

— Живем мы вблизи рек и озер, — начали они в свое оправдание, — имена наши хорошо знакомы Человеку^[90]. Весенним днем выводит Утка на реку деток и резвится с ними и Селезнем в зеленых волнах. Красоту нашего оперения воспевают поэты; верность наша неколебима: женщин, угождающих двум мужьям, мы презираем; душа наша целомудренна — неизменно принадлежит она единственному избраннику. Можем ли мы участвовать в скверных поступках?

Отправил Дух Зимородков и Селезня с Уткой в темницу, а сам опять обратился к Мыши:
— Птицы, столь прекрасные с виду и чистые душой, не могли быть в сговоре с такой, как ты. Признавайся, кто подбил тебя на воровство?!

Назвала Мышь Ночную Цаплю и Крахалья.

Длинноногая Цапля с длинным клювом и в шапочке из красных перьев, издавая громкие вопли, предстала перед судьей. Сдерживая волнение, проговорила она:

— У меня острый алый клюв и мягкие перья, украшенные зелеными узорами. Когда выдается теплый день, вхожу я в голубые воды реки и призываю друга; когда у дамбы вырастают ароматные травы — веселюсь со своими братьями, празднуя это событие; не обращая внимания на моросящий дождик, вылавливаю я рыбешку, спрятавшуюся в тине, поедая креветок, зарывшихся в водоросли. Я и понятия не имею, что такое зерно. Как можно возводить на меня подобную напраслину?

Завязав тесемки шляпы, поводя хвостом, словно рулем, к судье подошел Крахаль:

— Весной, когда вода в реке прибывает, спасаюсь я в ней от жары: плещусь в волнах и плаваю, окруженный легкой пеной; когда лодочник опускает весло, крылья мои намокают от брызг; криком отзываюсь я на песни рыбаков о луне. Жилище мое — в зарослях камыша и осоки, на землю я и мельком не погляжу!

Отправил Дух-хранитель Ночную Цаплю и Крахалья в темницу, а сам призвал Мышь и стал сурово укорять ее во лжи.

Призадумалась Мышь. «Птицы, что плавают в реках, озерах и морях, упорно отрицают свою вину. Это потому, должно быть, что в них живет светлая, могучая душа Воды! Остается только назвать птиц, летающих высоко в облаках или обитающих в темном лесу». И назвала она Луаня и Журавля.

Луань, чья слава не уступает славе Феникса, — не менее мудрый, чем Священный Журавль^[91], — услышал зов Духа, сел на облако, спустился на землю и в своем пятицветном

наряде предстал перед судьей:

— Обитель моя на небесах, там веду я дружбу со святыми и потому далек от дел мирских. По утрам срываю я цветы коричневого дерева, что растет на Луне, и питаюсь ими, ночью засыпаю там же, на Луне, у Перламутрового озера. В мире природы различаю я подлое и благородное, в мире Людей — доброе и злое. Имя мое известно всякому. Случается, меня понапрасну порочат, обвиняя во всяких мерзостях, но я то знаю, что невиновен, и не считаю нужным оправдываться.

Затем к судье подошел Журавль: в белой кофте, черных штанах, с красной шапочкой на голове спустился он на небесном облаке.

В давние времена покинул он землю и с тех нор не ведал превратностей судьбы: падений и взлетов, умирания и расцвета, бедности и богатства, позора и славы. Вздохнув трижды, заговорил он печальным голосом:

— Родился я в горах Циньтянь, теперь же обитаю в белоснежных облаках. При лунном свете тоскую я в одиночестве; найдя Цветок Сливы, грациозно танцую. Отшельника, поселившегося в горах, известил я о приходе гостя^[92], у крепостных ворот Ляодуна вздыхал о судьбах мира^[93]. Друг святых, я не стану отвечать на клевету этой подлой Мыши. Гнусная тварь покрыла меня позором... Лучше буду молчать.

* * *

Допросив Луаня и Журавля, Дух-хранитель поселил их в саду подле кладовой, повелел Воинам строго охранять пленников и призвал к себе Мышь.

— Луань и Журавль — священные птицы, не могли они быть сообщниками столь ничтожной земной твари, как ты. Довольно лгать! Признавайся во всем!

И тогда обвинила Мышь в подстрекательстве Феникса и Павлина.

Разгневался Дух, услышав, что Мышь называет этих священных птиц соучастниками своего преступления, и изрек громовым голосом:

— Я поверил твоим лживым речам, заключил в темницу множество птиц — даже Луаня и Журавля, и от этого пострадала моя добрая слава мудрого судьи. Теперь ты посмела оговорить священного Феникса, чье имя прославлено в веках! Обвинила в тяжком преступлении Павлина — красивейшую птицу на земле! Бесстыжая ты тварь!..

Ударил Дух кулаком по столу, где громоздились листы с записями допросов, и стал изливать на лгунью потоки брани.

А старая Мышь смиренно пала ниц, закрыла голову лапами и повела почтительную, однако преисполненную достоинства речь.

— Осмелюсь признаться, я уже почитала себя обреченной и потому солгала вашей милости, чем заслужила укоризну и брань. Говорят, нет птицы, мудрее Феникса. Но если он действительно мудр, то почему же равнодушен к тому, что алчные хищники — Ястреб, Сокол, Сова и Коршун — пожирают слабых тварей: Фазана, Петуха, Зайца и Сайгу? На клювах

стервятников не просыхает свежая кровь, в лесах и горных долинах не перестают раздаваться жалобные вопли тех, у кого хищники отнимают жизнь! Но Феникс — а ведь он почитается старшим над всеми двумястами шестьюдесятью видами птиц — прикидывается, будто ничего не знает об этих убийствах! Лицо Феникса увидеть труднее, нежели лицо императора, восседающего в своем неприступном дворце! Кто знает, как выглядит Феникс? Может быть, у него голова Рыбы и лицо Дьявола? А может быть, тело Змеи и голова Вола? Говорят, Феникс-самец и его подруга-самка не встречаются ни днем, ни ночью, а лишь издали перекликаются друг с другом. Ни о ком, кроме себя, эти птицы не думают! Сама я, правда, Феникса не встречала, но не так давно передал он мне через пролетавшего мимо Гуся письмо^[94], в котором писал: «Мы с супругой наелись плодов бамбука, и у нас заболели животы. Припаси нам поддриандрой, что растет подле кладовой, хотя бы сом белояшмового риса — мы тайком прилетим к тебе подлечиться». Феникс так умолял меня, что я, желая заручиться его расположением, согласилась похитить зерно. Воины схватили меня еще до того, как я успела унести рис. Я полагаю, вашей милости ясно теперь, что представляет собою Феникс. Единственное его достоинство — громкое имя. Впрочем, недаром иероглиф «Феникс» состоит из знаков «Заурядный» и «Птица»! Ведь в древности его вовсе не почитали священным, а видели в нем ничем не примечательное, заурядное создание.

Позвольте еще сказать: Павлин — птица яркая, оперенье у него разноцветное. Но красив он только с виду, по сути же это обыкновенный Петух! Вид у Павлина благородный, а душа грубая, — значит, он обманщик! Повстречает он нарядных женщин или детей и от зависти готов заклевать их. Любит он одного себя, а больше никого. Вот каковы его «добродетели»! Однажды, находясь в кладовой, подсмотрела я в щелку: распустил Павлин свой пятицветный хвост — и танцует, и красуется. Потрясла я тогда своим неказистым хвостом и стала перед Павлином сытой жизнью бахвалиться. Подумал Павлин, что хвост у меня «счастливый», и предложил поменяться с ним хвостами, — я же, смеясь, отказалась. И вот почему: хоть у Павлина хвост и

хорош, но пользы от него никакой — один вред, уж очень он в глаза Человеку бросается. Поймает меня Человек, и разом кончится моя сытая жизнь в кладовой, лопнет, как мыльный пузырь. Хвост Павлина ему на погибель дан, мой же простенький хвосточек — мне на счастье! Когда Павлин предложил поменяться хвостами, я возгордилась и подумала: «А ведь я счастливее его!» Вот Павлин в отместку и принудил меня совершить преступление!

* * *

Призадумался Дух, сбитый с толку хитроумными речами: «Право же, и среди Людей бывают такие! Вот, скажем, даосы: скрываются они в лесах и горах, народу и стране от них пользы никакой! А ведь у них и добрая слава, и положение! Разве они не под стать Фениксу? К тому же, ходят они в одеждах и шляпах, какие носят ученые мужи, — выглядят так благородно! А на деле? Ночью лазают через ограду ко вдовам, преклоняют колени у порога власть имущих, выучившись грамоте, пишут высокопарные слова, а сами ни талантов, ни воображения не имеют, завидуют простым Людям и вредят им любыми способами. Разве не похожи они на Павлина?»

Подумал так Дух и повелел Святому Воинству с помощью талисмана вызвать в суд Феникса и шелковой сетью изловить Павлина.

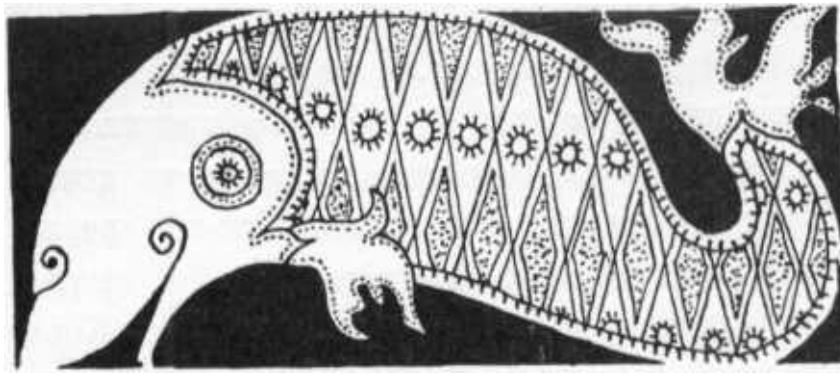
Повадки у Феникса журавлиные, держится он, как Луань. Надменным голосом заговорил он:

— Я одна из четырех священных птиц, родом из Красных Пещер. Походка моя — совершенство, голос — музыка. Слушал я песни Шуня и танцевал у него во дворце^[95]; сидел я на ветках дриандры, когда правитель Чжоу играл на цитре^[96]. Питаюсь я побегами бамбука, вью гнездо на ветвях деревьев, а зерна не ем, как бы ни был голоден. Мог ли я быть сообщником этой грязной Мыши? Жить в бедности плохо, но лучше умру, нежели воровать стану!

Затем, распустив веером яркий хвост, то и дело косясь на свою тень, повел речь горделивый Павлин:

— Я уроженец Южного Китая, меня считают красивейшей птицей. Имя мое напоминает людям о мудреце^[97], прозвище я себе избрал Голубая Птица. Охотно засматриваюсь я на свою тень и кичусь своей красотой; перья мои нежны, как Большой Снег; когда раскрою клюв — во рту расцветают жемчужные цветы. Обитая в садах Небожителей, сторонюсь я дел мирских. Разве похожи между собой небесное облако и прах земной, или яшма и простой камень одно и то же?

* * *

Отправил Дух-хранитель Феникса и Павлина туда, где уже находились Луань и Журавль, и молвил:

— Феникс и Павлин — священные птицы, не могли они вступить с тобою в сговор. Кто же подбил тебя на преступление?

Называет лгуныя птицу Пэн и Кита, обитающих в море, и говорит:

— Пэн — коварная птица. Вранью обучалась она у Чжуан Чжоу^[98] — вот и умеет ловко обманывать Людей. Когда, перелетая с Северного моря в Южное, взмывает птица Пэн ввысь, волны бушуют на протяжении трех тысяч ли, а высота их, говорят, достигает нескольких тысяч ли. Как-то пригласила меня птица Пэн в гости, а я, старая, и подумала: «Погружу-ка я зерно из Королевской кладовой на ее широкую спину, перевезу все в безбрежное Южное море и заживу вдали от Людей без забот и печали». Как видите, ваша милость, птица Пэн меня, честную Мышь, и соблазнила! Что до Кита — он, как известно, владыка морей, одним глотком выпивает он тысячу чашек воды и проглатывает сотни рыбешек. В подражание ему я и решила уничтожить горы зерна в Королевской кладовой. Ясно, что Кит своим примером оказал на меня столь пагубное влияние.

Удивился Дух:

— Где еще на свете найдутся такие обжоры? Подобные твари вредят просвещенному миру!

Призвал Дух свое Воинство, разделил его на две части, направил одну к Южному морю — ловить птицу Пэн. Раскинули Воины в волнах Южного моря металлическую сеть, длиной в тысячу палей.

Завидев Воинов с сетью, разгневалась птица; взмахнула она крылами, и от поднявшейся бури лопнула сеть; Воины же разлетелись в разные стороны, как разлетаются от ветра опавшие листья. С пустыми руками вернулись Воины к Духу, обо всем рассказали ему. Увидел Хранитель кладовой, что своими силами ему с птицей Пэн не справиться, направил послание Дракону Южного моря Квалли-вану; сообщив ему суть дела, повелел он доставить птицу в суд. Ответил Хранителю кладовой Квалли-ван:

«Квалли-ван, владыка Южного моря, дважды низко кланяется Хранителю Королевской кладовой и доносит следующее. Весть о суде над Мышью достигла Водного царства, но я нерадиво отнесся к своим обязанностям, за что прошу милостиво простить меня. Вы, судья, выполняете волю Небесного Повелителя, и я обязан повиноваться вам. Но выполнить ваше повеление я не могу. Птицу Пэн можно изловить, лишь послав за ней миллионы Воинов. Доставить же ее в суд удастся, только заковав в цепи длиною в десять тысяч ли. Все это не в моей власти. Если же вы полагаете необходимым допросить птицу Пэн, прошу вашу милость лично явиться в мои владения и действовать, как сочтете нужным».

Получив такой ответ, Дух-хранитель немедленно отбыл к Южному морю. За ним последовали сотни чиновников судебного ведомства и тысячи солдат Святого Воинства. Полетели они, окруженные знаменами, на ветряной поводке, в которую впрягли облачных коней. Наконец опустились на одном из необитаемых островов Южного моря.

От Квалли-вана птица Пэн получила указание: «Старайся достойно выслушивать вопросы и достойно на них отвечать». Сложила Пэн подобно вееру свои могучие крылья и погрузилась в воду, высунув наружу один только клюв, превосходивший размерами остров Чечжудо^[99]. Когда же заговорила птица Пэн, пена изо рта ее полетела в небо, подобно хлопьям снега, а голос загремел, словно майский гром.

— Я самая большая из всех живых тварей. Жизнь моя — море и ветер, обитель — земля и небо! Спина моя — шириной в тысячу ли, крылья раскинулись на сто тысяч ли. Раньше была я китом и обитала в Северном море. «Истинный человек Южного Китая» почитался моим лучшим другом^[100]. Некогда насмехались надо мной Цикада и Горлица^[101], ныне опозорила меня Мышь! Но могла ли эта ничтожная, неприметная тварь пробраться с земли на небо?

Выслушал Дух речь птицы Пэн, повелел Квалли-вану стеречь ее, пока не свершится правосудие, а сам отбыл на родину. Попутно заглянул он на берега Восточного моря, чтобы допросить Кита.

Высунув из моря спину, огромную, как крыша дома, шириной в двенадцать канов^[102], Кит выбрасывал столбы воды, которые долетали до самого неба. Так резвился он в голубых просторах и вдруг попал в железную сеть. Вознегодовал могучий Кит — разгневанный, содрогался он всем телом, бил по воде хвостом, вызывая на море бурю.

— Сила во мне живет неизбывная, — сказал он. — Захочу — выпущу изо рта столб воды и небо протараню, захочу — все море выпью! Головой касаюсь я облаков — по моей спине великий Ли Тай-бо взобрался на небеса!^[103] Властен я над акулами и крокодилами, имя мое наводит страх на тигров и слонов! Ем я много, но в меру. Подобно тому как отличаю я воду от суши, отличаю я и чистое от грязного!

* * *

Окончил Кит свою речь. Повелел тогда Дух поместить его в специальный водоем; Воинам же, что вооружены были отравленными стрелами и длинными шестами, приказал охранять обвиняемого.

Возвратившись в суд, призвал Хранитель кладовой старую Мышь и обрушился на нее с гневными словами:

— Птица Пэн и Кит обитают в море, общего у них с тобой не больше, чем у Журавля и Земляного Червя. Подговорил тебя совершить преступление кто-то другой! Признавайся же кто!

Сморщив нос, призадумалась Мышь. «Коварны и упрямы твари земные, никак не проведешь их! Однако и те, что летают по воздуху и плавают по воде, защищаются упорно и терпеливо. Не знаю, как быть. Летящих по воздуху, и плавающих, и ползающих многое множество, должны же быть среди них несмышленные и трусливые! Но пока что все они усердно сочиняют что-то в свое оправдание — умом и красноречием они, пожалуй, и меня за пояс заткнут! Ну и глупа же я! Надо было честно во всем признаться, а я плела невесть что! Разиня я этакая! Но ведь предки

мои всегда так поступали! Да, нехорошо вышло: пожадничала я, честь племени опозорила, семью погубила, да и сама-то... Право, жаль!.. Но что пользы в раскаянии? Попробую-ка лучше оговорить какое-нибудь глупое насекомое, какую-нибудь мелюзгу. Но беда, если никто не подтвердит эту выдумку, — пропала тогда моя головушка!»

Подумав так, устремила Мышь правдивый взор на судью и во всем «призналась»:

— Позвольте почтительнейше заверить: готова я открыть вашей милости все, что у меня на совести. Я уже говорила, что летающие и ползающие твари лживы и коварны. Не соверши я преступления, им и говорить было бы нечего. А тот, кто знает, но не говорит, должен быть строго наказан. Они же, презрев высокий сан судьи, осмелились скрыть правду. Либо сами они совершили преступление, но не признаются, либо знали о преступлении, но отрицают это. Подобная ложь — преступление куда более тяжкое, нежели мое! Не желаю больше скрывать сообщников, кто бы они ни были, — признаюсь во всем чистосердечно!

И назвала Мышь Духу-хранителю Пчелу и Цикаду. Повелел Дух поймать сачком обвиняемых и доставить в суд.

У подножия гор, где веет легкий ветерок, под палящими лучами солнца порхал среди цветов пчелиный рой, собирая ароматную пыльцу. Жужжание Пчел напоминало кипение воды в котле. Нежданно-негаданно поймали весь рой в сачок и доставили в суд. Распустив прозрачные крылышки, спрятав жала, загудели Пчелы:

— Живем мы в горных долинах, строим дома в расщелинах скал и в дуплах деревьев. Весной, когда распускаются цветы, собираем пыльцу и ею кормимся. Мы никого не убиваем, но ни с кем и не дружим. Мед наш забирает Человек, на голод мы, однако, не жалуемся. Подчиняемся мы суровому распорядку — и трудовому, и воинскому. Живя по строгим правилам, можем ли мы помогать преступникам?

Свежим утром, в густой тени сидела Цикада и протяжно напевала однообразную песенку. Тут-то и схватили ее Воины. Шевеля легкими крылышками, уныло пропела она:

— В прошлой жизни обитала я на земле, теперь селюсь на высоких деревьях. Из груди моей льется музыка, крылья сделаны из тончайшего шелка. Осенней порою пью я прозрачную влагу дождя, когда же густеют сумерки, укрываюсь меж ветвей и пою свою неумолчную песнь. Усвоив учение даосов, превратилась я в священное существо ^[104] и, преисполненная надежды, покинула мирскую суету. Пою я своим голосом, стану ли подпевать кому-то?

* * *

Отправил Дух-хранитель Пчел и Цикаду в темницу и говорит Мыши:

— Пчелы делают мед, Цикады поют на свой лад. При чем же тут ты? Говори, наконец, правду!

И тогда назвала Мышь своими сообщниками Паука и Богомола.

Летним вечером под карнизом старинного дворца сидел толстый Паук. Удобно примостившись, плел он шелковую паутину, выделяя изо рта слюну, наполнявшую его брюхо. В

свои тенета ловил он пролетающих мимо крапивников, мух, цикад, комаров и других насекомых и птиц.

Вдруг откуда ни возьмись появились Святые Воины. Следуя правилу «бей врага его же оружием», связали они Паука паутиной и доставили в суд. Увидел Дух Паука, разгневался и давай его бранить:

— Жалкая букашка! Целый год можешь ты кормиться травинкой длиной в три чхи или стебельком намуля. Зачем же ты ткешь паутину и ловишь всякую мелюзгу, устроившись под стрехой в доме бедного ученого или на крыше старого дворца? Мерзкая тварь! В древности Фу Си^[105] издал закон, разрешающий забрасывать сети для ловли рыбы. Ты же, ничтожество, издеваешься над мудростью святого: твоя сеть так густа, что ты ловишь в нее даже такую беззащитную тварь, как Однодневку! Нет другого, столь жестокого и жадного создания! Ты опутал своей паутиной порог Королевской кладовой, занавесил и вход и выход. Ты скрыл преступление старой Мыши! Кто же, как не ты, главный виновник пропажи зерна? Мышь во всем призналась, признавайся и ты! А вздумаеть запираться — обезглавлю и четвертую!

Услышал Паук громоподобный голос Духа, пал ниц — лапки трясутся, зубами лязгает, слова вымолвить не может. Вскоре, однако, пришел он в себя:

— Осмелюсь почтительнейше напомнить вашей милости, когда в древности Фу Си изобрел письмена, меня называли Мудрым Насекомым^[106]. Когда я тку паутину, Люди считают это счастливым предзнаменованием. Когда ночные тени сгущаются за порогом дома, когда за дверью перестает лить дождь, выпускаю я нити длиной в сотни чхи и тку широкую круглую паутину-ловушку. Рвать Эти нити — дурная привычка одного лишь Жителя Южных гор^[107]. Для пропитания мне довольно и горсточка риса; у меня и в мыслях нет ловить насекомых. Никогда не вредил я Людям! Я не посмел бы и сунуться в Королевскую кладовую!

Паук замолчал. Грозно взглянул тогда Дух на Богомола и воскликнул гневно:

— У тебя и вид-то воровской: рот до ушей, глаза выпучены, брюхо толстое — ясно, что жаден ты не в меру. Шея у тебя длинная, глотка широкая — видно, любишь глотать чужое добро. Передние лапы у тебя словно серп, зубы во рту что пилы. Не ты ли помог Мыши уничтожить зерно в Королевской кладовой? Говорят, осенней порою пробрался ты в кладовую, чтобы выпросить у старой Мыши штаны, а заодно поел весь белояшмовый рис, что сгружали в кладовую тридцать семь дней подряд. Старая Мышь во всем призналась, признавайся и ты — заслужишь снисхождение. Ты ведь, как известно, хоть и немогуч, да жесток, и этим бахвалишься. Лапы у тебя длинные, как палки: засунешь их между спиц колеса — повозку остановишь! Оставь тебя на воле, так ты, пожалуй, наделаешь бед не меньше, чем хищные звери!

Выслушал Богомол суровые обвинения, поднял лапы, приложил их ко лбу и, поклонившись низко, сказал:

— Вырос я в поле, и не имею ни чинов, ни звания. Желая высмеять человеческую глупость, Чжуан-цзы оговорил меня^[108]; слушая бессвязный лепет детей, Люди называют их почему-то Богомолами, — это прозвище дала мне Кошка. Ползая по земле, то и дело попадаю я под ноги Людям, и они давят меня; летая, часто наталкиваюсь на бисерные занавески в Зеленом тереме красоток^[109] и падаю в изнеможении. Нет у меня своего угла, всюду я непрощенный гость. Однако в нору старой Мыши я не забирался ни разу, — как же мог я подстрекать эту хищницу к воровству? Вероломная тварь оговорила меня! Слова ее — ложь, не покрывшаяся даже пылью!

Повелел Дух заключить Паука и Богомола в темницу и сказал Мыши:

— Выслушал я Паука и Богомола и убедился в их невиновности. Выдай же настоящих подстрекателей!

Назвала тогда Мышь Однодневку и Стрекозу.

Был тихий осенний вечер. Солнце село за горы, и вечерний туман разлился по берегу ручья.

Десятки тысяч Однодневок, обнявшись, плясали в небе, распевая веселую песню «Жить бы нам сто или тысячу лет!». Неожиданно появились посланцы Духа, замахали большими веерами, загнали Однодневок в кожаный мешок, похожий на монашескую суму, и доставили в суд. Перетрусили Однодневки. В такую минуту у всякого душа не на месте и кровь застывает в жилах. Но тут выступила вперед самая смелая из Однодневок, расправила все четыре крылышка, потрясла тонюсеньким хвостиком-ниточкой и от имени своих соплеменников едва слышно пропищала:

— Из всех насекомых на свете мы самые крохотные. То носимся мы стаями, то разлетаемся врозь — вот и кажется, что появляемся мы внезапно и так же внезапно исчезаем. В летний зной копошимся мы в ямах и канавах, укрываясь от жарких лучей солнца; когда сгущаются прохладные тени, порхаем в сыром тумане. Вид у нас неказистый, духом мы слабы: ведь мы рождаемся поутру, чтобы к вечеру умереть! Жаль, что жизнь наша такая короткая, — значит, она никому не нужна! Разве можем мы, убогие создания, пожелать чужого? Умоляем вашу милость: пощадите нас!

Расправив блестящие крылышки и сверкая ими в лучах вечернего солнца, Стрекоза беспечно гонялась за Бабочками и Пчелами, после дождя облетавшими цветы. Тут-то и схватили ее солдаты Святого Воинства. Доставили Стрекозу в суд. Испуганная, негодующая, выкатив глаза, она зарыдала:

— Глаза у меня большие — вижу я далеко, а живот тощий — ем мало. С закатом солнца сажусь я на чиге^[110] молодого дровосека; когда моросит мелкий дождик — на удочку рыбака. Я то мелькаю в цветах гречихи, то перепархиваю на листья редьки. Ду Фу воспел меня в стихах, написав, будто некогда я подожгла воду. Стоит мне залететь в селение — и ребятишки ликуют. Почему же я — бессловесное создание — должна погибнуть?

Допросил Дух Однодневку, потом Стрекозу и встревожился: ведь если Однодневка умрет до окончания суда, судьи лишатся ее показаний и не смогут добиться истины! Повелел Дух своим Воинам обращаться с Однодневкой как можно бережнее: доставить ее на тенистый берег реки, куда не достигают лучи солнца, и поить эликсиром бессмертия, чтобы сохранить ей жизнь на два месяца. Так был найден выход из затруднительного положения. Если правду говорят Люди, что Дунфан Шо жил три тысячи лет^[111], то разве не может Однодневка прожить хотя бы два месяца?

Стрекоза тоже всего лишь слабое насекомое, однако Дух повелел соорудить под стрехой кладовой клетку и посадить туда Стрекозу. Потом сказал Мыши:

— Выслушал я ответы Однодневки и Стрекозы и понял, что ничего позорного они не совершили. Ты обвиняешь их, но в чем? Назови-ка лучше истинных виновников преступления!

Приздумалась Мышь. «Все, кого я называла — Цикада и Пчела, Паук и Богомол, Однодневка и Стрекоза, — вреда Человеку не приносят. Он не испытывает к ним вражды, потому-то они так смело отрицают свою виновность. Назову-ка я насекомых, которые у Человека не в чести, таких, что только жужжат, а толком говорить не умеют». И назвала она Муху и Комара. Услыхав, что сообщниками Мыши были Муха и Комар, судья раскрыл глаза и уши. Тотчас повелел Хранитель кладовой привести обвиняемых и допросить их.

Испугалась Муха строгого судьи; трепеща от страха, закрутила она головой и, потирая лапки, прожужжала:

— Осмелюсь молвить: мы, Мухи, телом невелики, но поесть любим — как почувствуем запах пищи, так все пять внутренностей дрожат от голода; летим мы, привлеченные запахом пищи, не разбирая пути, — сквозь огонь и воду. Есть поговорка: «Водка водку пьет». Так и мы: чем больше едим, тем больше хотим есть. Подобно Бабочке, летящей на огонь, и бешеной Собаке, кусающей Человека, мы хорошо знаем, что деяния эти грозят нам гибелью, но поступаем так, ибо иначе поступать не можем. Мы помним все же, что если живы до сих пор, то лишь по милости Человека. Усевшись на хвосте Скакуна, переносимся мы за тысячи ли; равнодушно выслушиваем насмешки поэтов^[112]; пачкаем стол чиновника, однако в Королевскую кладовую и заглянуть не смеем. Можете казнить меня, но сказала я чистую правду!

Увидев перед собою Комара, вспыхнул Дух-хранитель гневом. Стукнул он кулаком по столу, словно хотел кого-то убить. Затряслись у Комара ножки и крылышки. Тоненьким голоском, будто схватили его за горло, пропищал он;

— Хотя и неловко говорить о себе, но должен заметить: тело у меня легкое, хвостик острый. Когда на землю спускаются тени, подлетаю я к человеческому жилью, нюхаю запахи, влетаю в комнаты; ношусь я, словно цветок Ивы; отведав крови, краснею вишневым цветом. Смеюсь я над глупостью Бабочек, летящих на огонь, но рано или поздно разделяю участь Мух, попадающих в суп. Мышь наносит вред Человеку, однако она умрет стократно, но не сознается в этом. Мне и во сне не снилось быть ее соучастником! Говорю это с чистой совестью и прошу вашу милость верить мне!

Повелел Дух заключить Муху и Комара в темницу и говорит Мыши:

— Муха и Комар, хоть и презирают Человека, всего лишь глупые насекомые: не могли они совратить такую пройдоху, как ты. Скажешь ли ты, наконец, правду?!

На этот раз назвала Мышь Жабу и Червя. Доставили их в суд.

Испуганная Жаба сложила лапы на груди, вздымавшейся от волнения, склонилась к земле и глухо заворчала:

— От рождения больна я проказой, — никакой зверь и подойти ко мне не смеет. Брюхо у меня большое и толстое, но ем я мало; двигаюсь неуклюже и медленно, а по тому остерегаюсь удаляться от своего жилища. Родословную веду я от Святой Девы^[113], но к несчастью, сослана я на землю и живу во прахе. Могла ли, однако, я — друг Яшмового Зайца — стать сообщницей Мыши?! Нет слов, чтобы ответить на оскорбление, нанесенное мне этой мерзкой тварью!

Затем подполз к судье длинный-предлинный Червь. Ничего не понимая, не смея поднять голову от страха, он прошептал: — Я животное бесполезное: тело у меня хотя и длинное, ум короток. Начнутся жестокие холода и ливни — прячусь я под землю, прекратятся ливни — высовываю голову из своего убежища. Ног у меня нет, передвигаюсь я с трудом, глаза потерял — тоскливо мне жить на свете! Но хоть я и глуп, зато не так коварен, как все эти волосатые звери! Ползаем мы по земле одинаково, да в норы залезаем по-разному.

Верьте моему слову, я всегда говорю только правду!

Отправил Дух Жабу и Червя в угрюмую темницу и сказал старой Мыши:

— Жаба и Червяк — беспримерно глупые твари, не то что ты! Нет, видно, подстрекал тебя

на преступление кто-то другой. Долго ли ты еще намерена обманывать меня?

Старая Мышь оговорила уже всех, кого только могла, но уловки ее так ни к чему и не привели. Пришла в замешательство плутовка: если не свалить на кого-нибудь вину, объявят ее одну преступницей и казнят! Делать нечего — назвала она Рака и Краба.

Задержали Рака, в шлеме и панцире привели его в суд. Завидев судью, попятился Рак и сказал:

— Я из породы рыб, потомок Золотой Черепахи. Обитаю я в морях и реках, родня моя живет в ручьях и речушках. На спине могу удержать я Три священных горы^[114], мясо мое не уступает по вкусу любому из восьми прославленных яств старинной китайской кухни. Я ползаю по каменистому дну светлого ручья; завидев из укромной норы Человека, убегаю задом наперед. Только панцирь делает меня смелым, но стоит меня поймать — смиренно покоряюсь я своей участи. Вода и суша отделены друг от друга, так можно ли считать единым голос и душу? И нужно ли много говорить, когда все ясно без слов?!

Закованный в броню большеголовый Краб при первом же окрике судьи струсил и в смятении забегал из угла в угол. Придя наконец в себя, открыл он глаза и взмолился:

— Я вышел из семьи воинов, и потому ношу броню, но, подобно отшельнику, никогда не покидаю я рек и озер, ни на кого не нападаю. Желудка у меня, насколько мне известно, нет, но духом я силен. Как ни коварна эта вероломная тварь, не удастся ей вырвать у меня признание, — пусть даже тычут в меня раскаленной пикой!

* * *

Выслушал Хранитель кладовой Рака и Краба, понял наконец, что старая Мышь водит его за нос. Отправил он Рака и Краба в темницу, а сам повелел тюремщикам заковать Мышь в цепи, повесить ее вниз головой к перекладине и подвергнуть всем пяти видам пытки: хлестать плетью, бить батогами, пытать огнем, водой и веревкой. А также приказал Хранитель кладовой вскипятить на всякий случай большой котел масла.

— Старая хищница! Изничтожу весь твой род! Не оставлю в живых ни одного соплеменника, — всех выловлю, всех казню! Собрал я великое множество тварей — больших и малых, летающих и ползающих, снующих меж небом и землей, — всех, кого ты оговорила. Оклеветала ты их, — ничем не смогла доказать хоть чью-нибудь вину. Преступница ты сама — тут и разговаривать не о чем!

И повелел Хранитель кладовой тюремщикам:

— Острыми ножами распорите этой твари морду и сдерите с нее шкуру. Затем оторвите ей лапы и проткните грудь. Потом оторвите хвост и уши, выколите глаза, отрежьте голову, опустите тело в кипящее масло и варите, и кипятите, и мешайте, и переворачивайте. А когда выварится весь жир — выбросьте!

Услышала старая Мышь грозное веление Духа — морда ее позеленела, как лист или трава, из глаз ручьем хлынули слезы. Взмолилась она, заклиная позволить ей сказать последнее слово.

Спрашивает ее Дух:

— Ну, что же ты хочешь сказать? Пустила тут пройдоха в ход всю свою смекалку и, дрожа от страха, приготовилась держать речь.

* * *

Уселась коварная Мышь перед Хранителем кладовой и, глядя ему прямо в глаза, начала такими словами:

— Осмелюсь утверждать, все время говорила я правду: нет такого животного, которое хоть однажды не совершило бы провинности. Но ваша милость так добры — вы никого не покарали. Вот никто и не признался в своих преступлениях! Я же с самого начала не хотела лукавить. Вы считаете меня старой пройдохой, а ведь все эти звери в сто раз хитрее меня! Разве не досадно мне терпеть напраслину?

Возьмем, к примеру, Улитку: нет у нее ни пяти внутренностей, ни конечностей. Эта мелюзга, и согрешив, не ведает, что согрешила!

Или, скажем, Муравей: насекомое крохотное, хотя и рушит крепостные стены. Безо всякого права присвоил он себе королевское имя, образом жизни подражает Сыну Неба^[115]. Нет, лучше тысячу раз умереть, нежели оставить безнаказанными его дерзкие проделки! Уж если осмелился он присвоить себе королевский сан, то подстрекать меня на ограбление Королевской кладовой ему легче, чем, как говорится, лежа на боку бобы уплетать.

Светлячок, или как его еще называют — «Насекомое из собачьего дерьма»^[116], — что сказать о нем? Большой огонь — Солнце и Луна, малый огонь — лампа и свечи. А Светлячок и ростом-то не более одного чхи: огонек у него слабенький; прилепится Светлячок к дереву, зажжет свой фонарик — огонек Этот и от воды не гаснет. Вот Светлячок и бахвалится, что умеет ночь превращать в день! А что пользы? Тоскуя в одиночестве, осенней ночью досадует на него покинутая жена; морочит он усталых, промокших от дождя путников, которым мерещится вблизи постоялый двор. Что же тут хорошего? Зато он освещает путь хитрой Лисе, коварной Рыси, свирепому Тигру и злобному Шакалу. Он помогает им преодолеть ограду, войти в дом Человека, натворить неисчислимые беды. Хоть он и мал, а вреда приносит, ей-же-ей, немало!

Ну, а Петух? Живет он в доме Человека, пользуется его милостями и должен бы Человеку служить. А Петух что? Человек трудится, выращивает овощи, — Петух топчет их, выклевывает зерно, которое Человеку дороже золота и драгоценных камней. Курица день-деньской кудахчет, а Петух — тот уже на заре горло дерет. Неблагодарный!

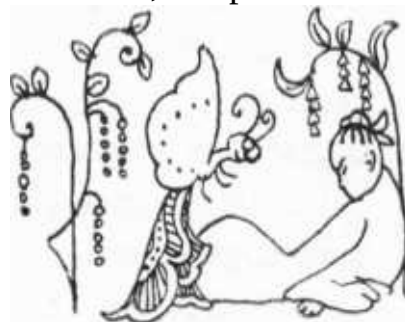
Кукушку, как известно, всегда легко узнать: перья у нее редкие, кукуя, харкает она кровью, детей подбрасывает в чужие гнезда, всех птиц считает своими подданными. По одному этому можно судить о ее невежестве. Кроме высоких гор да широких рек, нет для нее ничего недоступного. Порой идете вы — она молчит, но вдруг захочет вернуть вас назад — и закукует свое «Лучше вернуться!». Хоть она и твердит, что воплощает в себе душу древнего

императора, все это ложь! Зачем, покинув рощу, подлетает она к человеческому жилью и кукует? Каких бед натворила днем, если так жалобно стонет ночью? Не знаю, что и думать.

Попугай единственный понимает человеческую речь, умеет постичь ее смысл. А ведь с тех пор, как небо создало живых тварей, Человек и Зверь говорят на разных языках: таков закон природы. Попугай же — едет ли гость — непременно известит о том хозяина, случится ли что — немедленно доложит! Колдовская птица! И вот, ваша милость, поверив речам «вещего» Попугая, вы мое чистосердечное признание сочли коварной ложью. А ведь в старину говорили: «Колдовство не осилит мудрости!» Пустые Это, значит, слова?

Что же сказать об Иволге? Как ни красиво ее оперение, на картинке оно все же лучше; как ни хорош ее голос, с музыкой его не сравнить! И все же люди отворачиваются от картинки, чтобы полюбоваться Иволгой! Люди пренебрегают музыкой, чтобы послушать ее пение! Это ли не волшебство?! К тому же, голос Иволги то весел, то грустен — он заставляет Людей то радоваться, то печалиться. Не колдовство ли это? Но раз голос у нее колдовской, — значит, и душа такая же! Следовательно, ваша милость, напрасно вы называете коварной меня одну.

Или вот Бабочка. Ей и вовсе неведомы пять отношений^[117]. Бабочка — всего лишь никчемное насекомое. И все же Человек любит этим легким и хрупким созданием, поэты воспевают нарядные белые крылышки Бабочки. Почему же? Да потому, что, желая понравиться Человеку, Бабочка всячески перед ним заискивает. Это крохотное существо умеет колдовать: то оно явится во сне философу, то примет облик красавицы и обольстит неискушенного юношу. Волшебные чары Бабочки под стать нечистой силе! Ну кто поручится, что это не она, обернувшись грызуном, съела все зерно в Королевской кладовой?

Что до Ласточки, — в ней, как известно, ничего хорошего нет, к тому же, она глуповата: только и знает, что тараторить без толку да носиться взад-вперед. Она, как рассыльный, разносит чужие письма — разве почтенное это занятие? Беспечно резвится она в гнезде, развлекая своих птенцов, а огня-то зажечь и не умеет! Вот бестолковая!

Теперь скажу о лягушке. Эта квакает всю ночь напролет, словно кланит подачку, да и весь день бормочет, раздражая Человека и заставляя его хмуриться. К тому же, негодница лопочет что-то непонятное. Кого она думает обмануть? Только вашу милость!

Летучая Мышь — нашему племени сродни. Вначале род наш был беден, жилось ему нелегко, — вот Летучая Мышь и восстала против своего рода, порвала с соплеменниками и переметнулась к летающим тварям. Выпросила она себе крылья и зажила подобно пернатым, но зажила, как отщепенец, позоря честь своих соплеменников. Собрала я тогда всех Мышей,

позвала эту гнусную тварь, усадила перед алтарем предков, желая учинить допрос. Она же вспорхнула и улетела, бросив свысока: «Я искони птица и Мышам не родня!» Мало того, переметнувшись к птицам, она до конца раскрыла свою мерзкую сущность. Недаром говорят: «Посуда, протекавшая дома, протекает и в поле». И вот прогнали птицы от себя Летучую Мышь — куда ей деваться? Приходит она ко мне, называет «тетенькой», прощения просит, но держится при этом нахально. Встретила я ее холодно, даже отчитала. Вот она и затаила ненависть и с тех пор наговаривает на меня. Когда же узнала она, что попала я в беду, — от радости в пляс пустилась... Да разве скажет Летучая Мышь правдивое слово в мою защиту?

А Воробей? Ростом он меньше меня, да и ума у него не больше, но он все кичится своими талантами и наше племя поругивает. Если же Человек подобьет ему крыло, он непременно заберется ко мне в нору и умоляет приютить его. Однако, памятуя о чести нашего рода, я выгоняю его. Приходится ему у моего порога от голода и стужи подыхать. Вот он и затаил против меня злобу и норовит при всяком удобном случае заклевать меня. Разве не говорит это против него?

Теперь о Вороне. Нрав у нее подлый, голос препротивный. Умрет Человек — Ворона первая разносит эту весть, заболит кто — сразу растрезвонит. Вот Люди и думают, что Ворону нечистая сила посылает. А Ворона-то бахвалится: «Я, мол, на двенадцать голосов пою!» Да только кто ее слушает?!

Сорока — птица хитрая. Все думают — она умная, искусница, а она попросту глупа. Говорят, если ранним утром стрекочут сороки — жди радостных вестей. Хорошая примета. Только неверная. Говорят еще, если Сорока совет гнездо на дереве с южной стороны, это к счастью. Да ведь так только говорят. Зря, выходит, все хорошее приписывают Сороке. И как ей только не стыдно?

Вспомните Коршуна и Сову: и нравом и делами они друг с другом схожи. Зерно всем по вкусу, а Коршун его не терпит, тухлятиной питается. Солнечным лучам каждый радуется, а Сова их боится, признает лишь темную ночь. Вот какие это мерзкие птицы, вот какие гнусные у них повадки. Мне, право, стыдно, что поддавалась я их уговорам.

Скажу еще о Гусе и об Утке. Живут они неподалеку от моей норы, неумолчным гамом непрестанно мой покой нарушают. Однажды, не сдержав накипевшую злость, пролезла я потихоньку к ним в птичник и укусила за ногу Гуся — тот с воплем кинулся бежать; тогда вцепилась я зубами в Утку, разодрала ей грудь, так что жир потек и кости чуть не вывалились — но она даже рта не раскрыла, не крикнула ни разу! Вот и видно, что Гусь легкомыслен, Утка же упряма донельзя. Можно ли добром добиться от них признания?

Что до Крапивника, так, право же, в нем ничего достойного внимания нету.

Голубь слишком кроток, да и не пригоден ни к чему.

Перепел и Фазан вечно терзаются мучительной заботой — как сохранить свою жизнь: уж очень у них мясо вкусное. Птицы они, правда, недалекие, но напрасно вы думаете, что в помощники мне они не годятся. У всякого скрытый талант имеется. Даже у Червяка — умение ползать!

У Сокола и Ястреба таланты особые, — вот почему за ними Человек и охотится. Право, лучше не иметь никаких талантов! Вот я, например, не будь я так умна и хитра, не случилось бы со мной беды!

А Дикий Гусь и Лебедь? Стоит их заметить — они улетают. Стоит коснуться — от страха чуть живы. Но часто заплывают они в камыши на поиски водяных орехов и плодов лотоса — тогда-то и вонзаются в них стрелы и копья Людей. Разве поступки этих птиц не схожи с моими? Ведь и я подвергаю опасности свою жизнь, чтобы продлить ее! Правду говорит поговорка: «Голодное брюхо до тюрьмы доведет!»

Что сказать об Аисте и Крякве? Только и есть у них хорошего что длинный клюв у одной да длинные ноги у другого. Ума у них маловато — вот и гибнут они от стрел Человека. Изворотливости нет — потому-то и подбивают их камнями. Добыть пропитание смекалки у них хватает, а вот сохранить себе жизнь — на это ума недостает! Разве не похожа я, старая, на этих птиц?

Чайка и Цапля снаружи белые, зато нутро у них черное, — этим они от других и отличаются. Над Вороной рады они потешаться: «Чернавка!» — воображают, что она и внутри черная, как снаружи. У самих же оперение белое, зато душа черным-черна. А раз душа у них черная, — значит, они преступницы. Тут и гадать нечего: они подбили меня на воровство.

Не могу умолчать ни о Беркуте, ни об Орле. Эти птицы сильны духом и жестоки сердцем,

им и смерть не страшна; а раз они никого и ничего не боятся — никогда и ни в чем они не признаются.

Ну, а Зимородки, Мандаринский Селезень и Мандаринская Утка? Оперение у них красивое, поэтому и удалось им избежать кары! Право, все — даже судьи — смотрят только на внешность! А на мой взгляд, эти птицы и с виду лишены всякого благородства. Я, говорят, безобразна, но будь я, по милости предков, столь же красива, как они, уж конечно, не стала бы признаваться ни в каких преступлениях!

Ночная Цапля и Крахаль с утра до вечера только и знают рыбешку ловить. Уж если они так падки на свежую рыбу, не могут разве быть столь же падки на рис? Ведь вы слышали про мудрецов древности? Достигнув почтенного возраста — шестидесяти одного года, — они без рыбы не могли уже насытиться. Когда я поселилась в кладовой, я — что ни день — по три часа кряду ела рис, и вдруг захотелось мне рыбки. Вот и заключила я с Крахалем договор: он мне — рыбку, я ему — рис.

Луань и Журавль, Феникс и Павлин — красивы, как прекрасные плоды, что и говорить. Назовем в придачу Льва, Слона и Единорога, — вот и все удивительные животные. И стоят они четырнадцать лянов ^[118] серебра, если считать по ляну на самца и самку. Их-то вы рады освободить. Но ведь и я животное необыкновенное — по уму, способностям, положению. Разве нельзя простить и меня?

Что сказать о птице Пэн и Ките? Они в тысячу, в десять тысяч раз сильнее меня. Совести же и чести у них куда меньше: птица Пэн, как известно, может небо и землю опрокинуть, Кит — разом всю рыбу в море проглотить, — где еще видали вы подобную жадность и разнузданность? Если же ваша милость даст волю Этим силачам, наступит время, когда сильные захватят власть и повсюду воцарится беззаконие. На кого тогда надеяться слабым и беззащитным зверюшкам, детям отца-Неба и матери-Земли?

Что до насекомых: Пчелы и Цикады, Паука и Богомола, Однодневки и Стрекозы, Мухи и Комара, то у них либо есть крылья, но нету хвоста, либо есть хвост — нету крыльев. Однако, если эти насекомые видом на животных и не похожи, они походят на них нравом. В одном все звери — и большие и малые — друг с другом схожи: все они одинаково коварны! Это они подбили меня на воровство!

Молча выслушал Дух-хранитель утомительную речь старой Мыши и прикрыл глаза, словно теряя сознание от усталости.

Только кончила Мышь, сидевший рядом Пес бросил на нее алчный взгляд, роняя слюну, страшная Кошка уставилась, готовая выпустить когти. Задрожала от страха Мышь, не знает, куда деваться. Поникла она, призадумалась, но вот вскинула голову и запричитала:

— Пришел мой смертный час! Как ни грустно сознаваться — каюсь: все время лгала я. Теперь же открою вам правду, честно назову подстрекателей!

Лишь тогда понял Дух, что все признания Мыши лживы. Гнев обуял его. Ударил он кулаком по столу и громовым голосом повелел своим Воинам:

— Возьмите камень, что лежит во дворе, и выбейте у этой твари зубы!

Пала ниц Мышь, извивается всем телом и вопит:

— Каюсь: по воле Небесного Повелителя принудили меня съесть зерно из кладовой Духи Неба, Земли и Полей, Духи Гор, зеленая густая Сосна, стройный Кедр, легкий Ветерок, клубящиеся Облака, тусклый Туман, влажная Роса, мерцающие Звезды, яркое Солнце, серебристая Луна! Повинна ли я в этом преступлении?

Выслушал Дух-хранитель причитания Мыши, уже не помнившей себя от страха, хлопнул в ладоши и расхохотался:

— Глядя на тебя, можно подумать, что Небесный Повелитель затем и сотворил гнусный мышиный род, чтобы нес он миру зло. Несколько месяцев оговаривала ты птиц и зверей, возводила на них напраслину, а под конец осмелилась объявить сообщником своим самого Небесного Владыку! Это уже не просто преступление, это великое кощунство. Не вправе я своей властью карать тебя и вынужден доложить обо всем Повелителю Небес, дабы узнать его волю.

И повелел Дух заковать Мышь в двойные колодки, бросить в сырую темницу и не спускать с преступницы глаз, а сам, свершив трехдневное омовение, приготовил судебные бумаги и отправился в чертоги Небесного Повелителя. Подал Дух Повелителю Небес подробную запись всех допросов и почтительно молвил:

— Твой ничтожный раб совсем не печется о народе. Проглядел я вероломного преступника, — нет мне прощения во веки веков! Да падет позор на мою голову! В темнице полно обвиняемых, но ни один виновным себя не признает, а вынести справедливое решение мне самому не под силу. Наставь же ничтожного раба своего, Владыка Верховный!

Прочитал Небесный Владыка судебные бумаги и порешил:

— Преступники должны быть строго наказаны, а священные птицы и звери — вознаграждены. Ты, Дух-хранитель, возвратишься в свои владения, на площади перед кладовой казнишь грабительницу Мышь, а прах ее развеешь на все четыре стороны. А перед казнью повелишь ты всем, кто наделен клювом, когтями или зубами, рвать на части, раздирать и терзать тело Мыши, дабы звери могли дать волю справедливому гневу своему. Всех, оклеветанных Мышью, из темницы выпустить; нору преступницы разрыть до основания, соплеменников ее изничтожить. Искоренить вредоносное семя.

Выслушал Хранитель кладовой волю Небесного Повелителя, поклонился низко и немедленно

возвратился в суд. Повелел он обезглавить старую Мышь, потом отворил двери темницы, выпустил томившихся там зверей на волю и сказал им:

— Дано вам Небесным Владыкой право отмщения!

Услыхали это птицы и звери, толпою вырвались из темницы и радостно пустились в пляс. А потом взмыли птицы в небо, махая крыльями; побежали звери в леса, семена всеми четырьмя лапами. Пошумели они, и смолкло все, словно рассеялись тучи и стих ветер.

Кинулись тогда Кошка и Пес к норе, где жила Мышь, разыскали всех ее родичей: отца и мать, сестер и братьев, детей и внуков — до третьего колена, выволокли их всех на площадь перед Королевской кладовой.

Вонзились Шакал и Рысь в мышиное отродье клыками, Ворона и Коршун стали клевать Мышам брюхо; Сокол и Ястреб теребили им лапы, Кабан и Выдра таскали их за хребет и загривок, Еж колот иглами, Богомол, вцепившись Мышам в хвост, взлетел в воздух, увлекая свои жертвы за собой; Петух клевал личинки, гнездившиеся в мясе поверженных, Сорока трепала мышиную шерсть, Червяк, Муха, Медведка и Муравей пили мышиную кровь. Все, кто жаждал свежей крови, рвали на части, терзали и пожирали мышиное мясо. Право, отталкивающее это зрелище — убийство.

Но были и такие, как Тигр, Дракон, Журавль и Луань; только выпустили их из темницы — тотчас убежали они и даже не оглянулись на растерзанное тело старой Мыши. А Единорог и Феникс, увидев кровавое побоище, сказали:

— Всех вас выпустили на волю — чего ради терзаете вы мертвое тело?

Так сказали они зверям и птицам. И тогда разошлись все по домам.

А Дух — хранитель кладовой повелел Святому Воинству разрыть мышиную нору и осмотреть ее. Выполнили Воины повеление Духа и увидели, что всех родичей и соплеменников Мыши сожрала Кошка. Завалили тогда Воины мышиную нору землей и камнями, не оставив даже малой щелочки, а Кошку и Рысь заставили по очереди сторожить то место, где было прежде логово преступницы. И никогда больше не пропадало зерно из Королевской кладовой.

* * *

Я, летописец, скажу от себя:

Если вовремя не погасить огонь — он стелется все дальше и дальше; если суд вершить наспех, да к тому же нетвердой рукой — дело только запутывается. Сумей Дух-хранитель сразу же разобраться в преступлении старой Мыши и назначить ей справедливую кару, ярость не помутила бы его разума. Эх, да разве только у этой Мыши коварный и подлый нрав?! Право, об этом и подумать страшно!

notes

Примечания

Ча — мера длины, равная примерно 30 сантиметрам.

Чхи — мера длины, равная примерно 3 сантиметрам.

Королевские кладовые — правительственные амбары, в которых хранилось зерно, предназначенное для раздачи населению в случае неурожая или иного стихийного бедствия.

Сом — мешок или куль, в который входит 70–80 кг зерна.

«*Шицзин*» — «Книга песен», древнейшее собрание китайской поэзии (XI–VI вв. до н. э.), вошедшее впоследствии в число конфуцианских канонических книг. В «Шицзине» есть песня «Большая Мышь».

Совершенный Муж — китайский философ Конфуций (551–479 гг. до н. э.).

«*Лицзи*» — древнекитайская «Книга обрядов», излагающая основы конфуцианской морали. Создание ее приписывалось Конфуцию.

Цзе — Цзе-гуй — последний император легендарной китайской династии Ся (приблизительно 2033–1562 гг. до н. э.), прославившийся своей жестокостью. Имя его стало нарицательным.

Дух Больших Ворот и Дух Малых Дверей. — В средние века в Китае и Корее на воротах и дверях правительственных зданий рисовали изображения духов, которые, по поверьям, охраняли здания от воров и злых духов.

...невзирая на чины и звания. — В Китае духами ворот правительственных зданий почитались министры Ху Цзин-дэ и Цинь Шу-бао, которые охраняли покой императора Тай-цзуна (627–650 гг.). Изображения этих министров вывешивались на воротах.

Пять внутренностей. — Имеются в виду пять внутренних органов — сердце, легкие, печень, почки и селезенка.

...случается нам *иной раз* обернуться *Человеком*. — По распространенным на Дальнем Востоке поверьям, лисы могут принимать человеческий облик.

Когда гляжу я на коричное дерево у Лунного Дворца, в памяти моей оживает история с лекарством бессмертия. — Древний китайский миф рассказывает о том, как Хэн-э, жена прославленного стрелка И, украла у мужа лекарство бессмертия, улетела на Луну и, превратившись в жабу, поселилась там в Лунном Дворце. На Луне растет коричное дерево, под ним сидит Яшмовый Заяц и толчет в ступе волшебное снадобье.

Гаунчэнский удел — название футляра для кисточки из заячьей шерсти в басне китайского писателя Хань Юя (768–824 гг.) «Похождения кисточки».

...недаром у меня три норы. — Древние китайцы считали зайца весьма хитроумным зверьком, имеющим всегда две запасные норы.

Святые Мужи — легендарные отшельники-даосы, которым, по китайским сказаниям, прислуживают олени.

Чжоуский правитель — У-ван, основатель китайской династии Чжоу (правил приблизительно с 1169 по 1116 г. до н. э.).

Помню: лежал я под банановыми листьями, а дровосек гадал, сон это или явь. — В книге «Ле-цзы» рассказывается о дровосеке, который, убив оленя и забросав его тушу банановыми листьями, никак не мог потом найти то место, где он ее спрятал. В конце концов дровосек решил, что история с оленем ему приснилась.

...в древности пострадала я от навета чуского узурпатора. — Речь идет о Сян Юе, знаменитом полководце древнекитайского княжества Чу (покончил с собой в 202 г. до н. э.). В народе Сян Юя прозвали «Обезьяной в шляпе», поэтому он приказал изгнать всех обезьян из пределов княжества.

Ба и *Шу* — древние китайские княжества на территории нынешней провинции Сычуань.

...будила путников, плывущих ясной лунной ночью в одиноком челне; терзала печень поэта, под вой осеннего ветра читавшего стихи высоко в горах... — Имеются в виду сюжеты стихотворений «Обезьяна в изгнании» и «Ночью» китайских поэтов Цзи Ши-лао и Ду Фу.

Ли — китайская и корейская мера длины, равная в Корее 392,7 метра.

Кын — мера веса, равная 0,6 кг.

...по заснеженным пургою дорогам носил я поэта, искавшего зимою Цветы Сливы. — Существует предание о том, как знаменитый китайский поэт Мэн Хао-жань (689–740 гг.) отправился зимой на осле искать цветы сливового дерева.

...в горах Цяньшань увидел меня однажды тигр — худо мне тогда пришлось. — В горах Цяньшань, рассказывает притча, появилось доселе невиданное здесь животное — осел. Встретившись с ним, тигр решил, что это божество. Когда же осел лягнул тигра, тигр задрал осла.

...сотворил я чудо в сундуке святого Чжана. — В старинной китайской легенде говорится, что у святого даоса Чжан Го-лао был белый осел, которого Чжан однажды превратил в лист бумаги и положил в сундук. Потом бумажный лист вновь превратился в осла.

Равнина персиковых деревьев — название парка во владениях чжоуского правителя У-вана.

Предки мои... пронеся огонь из крепости Цзимо, прославились на всю страну Ци. — Военачальник древнего китайского княжества Ци при обороне крепости Цзимо (война между княжествами Ци и Янь в 279 г. до н. э.) выпустил из осажденной крепости волов, к хвостам которых были привязаны горящие факелы.

Чао-фу — китайский отшельник времен легендарного императора Яо (по преданию, правил в III тысячелетии до н. э.). Однажды Яо предложил отшельнику свой трон, но тот омыл уши, давая понять, что такое предложение оскорбляет его слух и он не принимает его.

Нин Ци — легендарная личность, пастух, по преданию, жил в VII в. до н. э. Однажды, когда Нин Ци пас волов и пел песню, мимо проезжал удельный князь Хуань. Потрясенный мудростью слов песни, князь сделал Нин Ци своим министром.

За всю свою жизнь лишь однажды встретил я доброго Человека. — В китайском предании говорится о том, как сановник Бин Цзи, живший в эпоху Хань (II в. до н. э. — II в. н. э.), равнодушно прошел мимо умирающего человека, но пожалел вола.

...немало ударов сыпалось на мою спину, она даже вошла в поговорку. — Су Цинь как-то сказал: «Лучше быть петушиным клювом, чем воловьяй спиной», то есть лучше бить самому, чем быть битым. Эти слова вошли в поговорку.

Я потомок Скакунов, на которых чжоуский правитель Му-ван объехал мир. — По преданию, у китайского императора Му-вана (правил с 1001 по 946 г. до н. э.) было восемь прекрасных скакунов, на которых он ездил по Поднебесной. С тех пор скакунами Му-вана стали называть в Китае лучших коней.

...подобен я тому мертвому Коню, что приобрел за тысячу цзиней Чжао-ван. — Чжао-ван, правитель китайского княжества Янь (правил с 311 по 279 г. до н. э.), приказал купить для него за тысячу мер серебра самого хорошего коня. Долго искал посланец князя такого коня и наконец нашел, но уже мертвого. Тогда он купил голову этого коня и привез ее Чжао-вану.

Единорог, который еще не родился. — Согласно поверьям, Единорог, мифическое животное с телом оленя, хвостом коровы, копытами лошади, мягким рогом с шишкой на конце и пестрой шерстью, рождается лишь во времена правления мудрых и справедливых властителей.

«*Плывущая по скале*» — Пубённу, памятник древнекорейской архитектуры в Пхеньяне, на берегу реки Тэдонган; «*Пещера Единорогов*» — название пещеры на склоне горы Моранбон в Пхеньяне.

Мудрейший Король Востока — посмертный титул корейского короля Ко Чжу Мона, основавшего в I в. до н. э. государство Когурё.

Шакьямуни (Сакьямуни) — одно из имен Будды, жившего, согласно преданиям, в VI в. до н. э.

«Чуньцю» — название летописи (буквально «Весна и осень»), запечатлевшей события китайской истории с 722 по 481 г. до н. э. Летопись кончается словами: «...поймали Единорога». Создание летописи приписывается Конфуцию.

Хань Туй-чжи — Хань Юй — китайский писатель, которому принадлежит «Рассуждение о словах ...поймали Единорога».

Боцзэ — древнее мифическое животное, которое изображали похожим на льва.

Снежные горы — Гималаи.

Ван — высший титул царствующей особы в Древнем Китае.

Паль — корейская мера длины, равная расстоянию между концами пальцев вытянутых в стороны рук.

...в таком положении и Чжан Тан не смог бы ничего придумать. — Чжан Тан, китайский сановник эпохи Ранняя Хань (206 г. до н. э. — 1 г. н. э.), отличался необыкновенной изворотливостью.

Су Цинь и Чжан И — государственные деятели Древнего Китая (IV в. до н. э.), прославившиеся как хитроумные дипломаты.

Гао Цзу — основатель китайской династии Хань, правил с 206 до 194 г. до н. э.

«Уложение Чжоу» — свод законов Древнего Китая эпохи Чжоу (1122–247 гг. до н. э.).

Государство Цинь — Китай периода господства династии Цинь, правившей с 221 по 202 г. до н. э.

Персиковый Источник — вымышленная страна, «земля обетованная» в одноименном произведении великого китайского поэта Тао Юань-мина (365–427 гг.).

...Ивовая Аллея у Суйской дамбы погубила царство Суй и его неосторожного властителя. — Ян Ди, император династии Суй (правил с 605 по 617 г.), приказал насадить ивы вдоль канала неподалеку от дворца, после чего потерпел поражение в войне с корейским государством Когурё.

...Ивовая столица... превратила древних корейцев в людей доверчивых и слабых. — Ивовая столица — Югён, древнее название Пхеньяна. Существует предание, что мифический основатель Кореи Ки Чжа назвал так столицу, чтобы смягчить характер жителей города.

Император Яо был величайшим, мудрецом вселенной, но Пес Дао Чжэ лаял и на него. — Дао Чжэ — разбойник, живший в Китае в III тысячелетии до н. э. Существует предание, что пес Дао Чжэ однажды осмелился залаять на императора Яо, ходившего всегда в простой одежде, и Яо сказал: «Он прав — ведь не я его хозяин».

Пес лает даже на белый снег, — должно быть, ему мерещится что-то страшное. — Имеется в виду стихотворение китайского поэта Ян Вань-ли (1124–1206 гг.), в котором описываются собаки, лающие на снег или солнце в местностях, где редко выпадает снег или редко выглядывает солнце.

...ради Тянь Вэня прокрался он в кладовую владыки страны Ци и выкрал оттуда лисью шубу. — Тянь Вэнь — сановник царства Ци в Древнем Китае. Правитель удела Цинь Чжаосян-ван решил сделать его первым министром удела Цинь, надеясь, что тогда правитель Ци поставит первым министром Ци сановника из Цинь и Чжаосян-вану удастся покорить Ци. По прибытии в Цинь Тянь Вэнь подарил Чжаосян-вану шубу из меха белых лисиц. Циньские сановники оклеветали Тянь Вэня, и правитель Цинь решил казнить его. Любимая наложница Чжаосян-вана обещала друзьям Тянь Вэня уговорить правителя Цинь отпустить Тянь Вэня, если ей подарят такую же шубу из белых лисиц, какую подарили Чжаосян-вану. Один из друзей Тянь Вэня через собачью нору забрался в дворцовую кладовую, где хранилась шуба. Услышав, что проснулась стража, он несколько раз тявкнул по-собачьи (об этом-то и говорит Мышь). Шубу преподнесли наложнице, и по ее просьбе Тянь Вэнь был отпущен.

...накалывает ее на спину и тащит к себе в нору, словно ребенка. — Корейские женщины обычно носят детей за спиной.

Об этих проделках Зайца рассказывается в корейских народных сказках.

Яо и Шунь — легендарные императоры Китая, правившие якобы в III тысячелетии до н. э., период их правления называли «Золотым веком».

Первый год правления князя Ай-гуна — 494 г. до н. э. Ай-гун — правитель царства Лу, которое находилось на территории полуострова Шаньдун.

...если вы заглянете ему внутрь через «задние ворота», то увидите там одно дерьмо. — Мышь высмеивает известное положение буддизма о том, что человеческое тело — лишь сосуд, наполненный нечистотами.

«*Львиный рык*». — Так называют обычно речь только что родившегося Будды, который, одной рукой указывая на небо, другой на землю, произносит: «В небесах и в Поднебесной чтите меня одного!»

Уж если Ласточки умеют читать «Луной», а Лягушки — «Мэн-цзы»... — «Луной» («Беседы и суждения») — одна из конфуцианских книг, запись бесед Конфуция с учениками. В этой книге есть слова: «Я знаю: что знаю — то знаю, чего не знаю — того не знаю». Слова эти в корейском произношении напоминают щебетание ласточки. «Мэн-цзы» — сочинение китайского философа Мэн-цзы (примерно 372–289 гг. до н. э.). В книге часто встречается слово «радость», напоминающее в корейском произношении кваканье лягушки.

...круглый домик мой создан в насмешку над жилищами дикарей. — Жилища соседних кочевых племен китайцы в древности называли «улитковыми домиками».

В свое время щедро отблагодарили мы Сун Сяна за бамбуковую лестницу. — Об историках и литераторах XI в. братьях Сун Сяне и Сун Ци рассказывают такую легенду: однажды вода залила муравейник, находившийся под полом. Муравьям грозила гибель. Старший брат Сун Сян изготовил бамбуковую лестницу, спустил ее в муравейник и помог муравьям выбраться наверх. В том же году братья держали экзамен на получение чиновничьей должности, причем более высокую оценку заслужил младший. Император, узнав об этом, сказал: «Не годится младшему опережать старшего!» — и назначил Сун Сяна на более высокую должность. Сун Сян решил, что это муравьи ходатайствовали за него перед императором.

...Чуньюю показали (мы) во сне блага Страны Ясеневого Покоя. — Однажды, рассказывает писатель Ли Гун-цзо (IX в.), житель Древнего Китая Чуньюй, выпив вина, заснул под ясенем и во сне побывал в Стране Ясеневого Покоя, где провел десять лет и даже женился на дочери тамошнего правителя. Проснувшись, он расковырял дупло в ясене, желая найти приснившуюся страну, но нашел лишь муравейник.

Драгоценным огнем надлежит тебе освещать путь к Истине. — Намек на предание об ученом Древнего Китая Чэ-ине, который работал по ночам при свете светлячков, так как у него не было денег, чтобы купить свечи или масло для лампы.

На заставе Ханьгу спас я от погони Тянь Вэня. — Однажды, гласит предание, Тянь Вэнг, спасаясь от преследования циньского правителя, наткнулся на закрытую в ночное время заставу. Тогда один из друзей Тянь Вэня пропел петухом — стражники открыли ворота, и Тянь Вэнь был спасен.

...ночью заставил Цзу-ти плясать от радости. — Цзу-ти — китайский сановник эпохи Цзинь (265–420 гг.), тайный ревизор. Однажды ночью его разбудил крик петуха, благодаря чему Цзу-ти сумел вовремя раскрыть крупный заговор против императора.

«*Лучше вернуться!*» — Согласно китайскому преданию, Ван-ди, правитель древнего княжества Шу, потрясенный высокими нравственными качествами жителя княжества Цзин Кай-мина, уступил ему престол, а сам удалился в «Западные горы», где скончался, грустя по своей стране. Это случилось во втором лунном месяце, когда кукуют кукушки. Люди сложили легенду о том, что душа Ван-ди, обернувшись кукушкой, кукует «Лучше вернуться...».

Во дворце ганского императора читал я стихи, в доме почтенного Яна разоблачил коварную изменницу, звал меня Мин-хуан и «Белоснежкой», и «Зеленым Чиновником». — По преданию, у китайского императора Мин-хуана (правил в эпоху Тан с 713 по 755 г.) был белый попугай, который декламировал стихи; император звал его «Белоснежкой».

По другому народному преданию, жена китайского богача Яна подговорила своего возлюбленного Ли убить мужа. Когда стали искать убийцу, прилетел зеленый попугай и закричал: «Яна убил Ли!» Преступник был схвачен. Император Мин-хуан взял попугая к себе и назвал «Зеленым Чиновником».

Ми Хэн воспел меня как «Священную птицу с Запада». — Ми Хэн, китайский поэт эпохи Восточная Хань (I–III вв.), в одном из стихотворений называет попугая «Священной птицей с Запада».

Бо Цзюй-и — знаменитый китайский поэт (772–846 гг.).

...мы являлись во сне Таньюаньцу... — Таньюанец — китайский философ Чжуан-цзы (VI в. до н. э.), прозванный так по названию местности, в которой жил. Однажды, повествует предание, философу приснилось, что он бабочка. Проснувшись, Чжуан-цзы долго не мог понять, видел ли он бабочку во сне или бабочка в эту минуту видит во сне Чжуан-цзы.

Мы, Лягушки... живем, не вылезая из колодца. — Намек на китайскую пословицу: «Колодезные лягушки не могут рассуждать о небе».

В старину глупец гадал: для кого мы поем? — Китайские легенды рассказывают о невежественном правителе Хуэй-ди (290–307 гг.), который, услышав кваканье лягушек, спросил придворных: «Для кого они поют?»

Я наследница Золотой Птицы — Солнца, супруга Яшмового Зайца. — Солнце и луна отражали в представлении древних китайцев мужское и женское начала, их символами были соответственно заяц и ворона.

Соплеменники мои слетались некогда ко дворцу императора Шуня, чтобы прославить Великого Мудреца. — По преданию, ко дворцу императора Шуня слетались трехногие вороны. Великий Мудрец — Конфуций.

Силла — корейское государство, сложившееся в I в. до н. э.

Мэй Шэн-юй, настоящее имя Мэй Яо-чэнь (1102–1160 гг.) — известный китайский поэт.

Ли Тай-бо — Ли Бо — великий китайский поэт (701–762 гг.).

В День Холодной Пищи выкрадываем мы из могил бумажные деньги. — День Холодной Пищи отмечается в начале весны. В течение трех дней корейцы не едят горячей пищи, посещают могилы предков и приносят жертвы, сжигая бумажные деньги (уже в описываемое Лим Чже время, то есть в XVI в., стали жечь простую бумагу).

Это я в стране Петушиный Лес подала старухе весть о сундуке и короле Сок Тхар Хэ. — Петушиный Лес — поэтическое название корейского государства Силла. Согласно легенде, один из правителей Силла, Сок Тхар Хэ, был найден некой старухой в лесу, в сундуке, висевшем на дереве и охранявшемся петухом; старуху же привела в лес сорока.

...это мы, Сороки, выстроили для Волопаса мост через Серебряную Реку. — Согласно легенде, Чжи-ньюй, дочь Небесного владыки, жила на небе и ткала облака. Спустившись однажды на землю в образе феи, она увидела бедного пастуха Нью-лана, влюбилась в него и стала его женой. Узнав об этом. Небесный владыка разгневался на свою дочь и в наказание сделал ее и пастуха Нью-лана звездами в созвездиях Водолея и Лиры — Волопасом и Ткачихой, отделенными друг от друга Серебряной Рекой (Млечный Путь); встречаться им разрешено было лишь раз в году — в седьмую ночь седьмой луны на мосту через Серебряную Реку, который якобы устраивают сороки.

Даос — последователь даосизма, философского и религиозного учения, основанного в VI в. до н. э. китайским мыслителем Лао-цзы.

Ван Си-чжи — знаменитый китайский каллиграф и поэт, живший в IV в.

Подобно мудрецам, не имеем мы постоянного пристанища. — Намек на Конфуция, бродившего из одного царства в другое в поисках правителя, который захотел бы воспользоваться его советами.

...императрица Люй переименовала меня в Дикого Петуха. — Китайскую императрицу Люй-хоу (жену императора Гао Цзу) звали Чжи, иероглиф «чжи» обозначает «фазан». Так как употреблять иероглифы, входящие в имена царствующих особ, строго запрещалось, фазана стали называть «ецзы» — «дикий петух».

...птиц я не ем, поэт хвалил меня за это. — Китайский поэт Лю Цзун-юань (773–819 гг.) писал о беркуте, который зимой ловил птиц, а потом, согревшись их теплом, отпускал.

Когда я болен, я страдаю от людской ненависти, — вспомните стихи Ду Фу. — В одном из стихотворений китайского поэта Ду Фу есть такие строки: «Печальна участь беркута больного — он одинок и презираем всеми».

...имена наши хорошо знакомы Человеку. — Мандаринские утки на Дальнем Востоке символ супружеской любви и верности.

Священный Журавль. — По китайским поверьям, бессмертные — герои даосских легенд — ездили верхом на журавле, потому-то журавль и считался священной птицей.

Отшельника, поселившегося в горах, известил я о приходе гостя. — По преданию, китайский отшельник Линь Бу (420–479 гг.), катаясь на лодке, заметил летящего журавля. Решив, что к нему едет гость (а гость действительно ехал), отшельник поспешил домой.

...у крепостных ворот Ляодуна вздыхал (я) о судьбах мира. — По преданию, на столб у ворот главного города китайской провинции Ляодун уселись журавли и произнесли стихи о величии минувших дней.

...передал он мне через пролетавшего мимо Гуся письмо. — По поверьям, дикий гусь приносит письма, весточки.

Слушал я песни Шуня и танцевал у него во дворце. — Существует предание: однажды, когда император Шунь играл на цитре, прилетели фениксы и стали танцевать.

...сидел я на ветках дриандры, когда правитель Чжоу играл на цитре. — По преданию, во дворец Чэн-вана (1115–1078 гг. до н. э.) слетались фениксы и танцевали под аккомпанемент цитры, на которой играл Чэн-ван.

Имя мое напоминает людям о Мудреце. — Первый слог слова «павлин» обозначается тем же иероглифом, что и фамилия Конфуция.

Чжуан Чжоу — древнекитайский философ Чжуан-цзы, писал о птице Пэн.

Чечжудо — самый большой остров на юге Кореи.

«Истинный человек Южного Китая» почитался моим лучшим другом. — «Истинный человек Южного Китая» — почетный титул древнекитайского философа Чжуан-цзы. У Чжуан-цзы сказано, что мифическая птица Пэн — перевоплощение кита.

Некогда насмехались надо мной Цикада и Горлица. — Однажды, гласит притча, птица Пэн задумала переселиться из Северного моря в Южное. Медленно поднялась она ввысь, покружила над морем и лишь потом направилась на юг. Наблюдавшие за ней цикада и горлица смеялись: «Мы, как захотим, можем сразу полететь... А если не долетим, то сядем на землю. Зачем надо подниматься на девяносто тысяч верст, да и лететь так далеко к Южному морю?»

Кан — мера длины, равная примерно двум метрам.

...по моей спине великий Ли Тай-бо взобрался на небеса. — Согласно преданию, китайский поэт Ли Бо (701–762 гг.) утонул в озере, пытаясь достать отражение луны. Поэт Ду Фу сказал по этому поводу: «Ли Бо взобрался на небо по спине кита».

Усвоив учение даосов, превратилась я в священное существо. — Древние китайцы считали, что цикада питается воздухом и росой, а потому является символом чистоты, то есть соответствует идеалам даосов.

Фу Си — легендарный китайский император, живший якобы в III тысячелетии до н. э. Ему приписывается изобретение письменности, музыки, сетей.

...когда в древности Фу Си изобрел письмена, меня назвали Мудрым Насекомым. — Иероглиф «паук» составлен из знаков «знание» и «насекомое».

Рвать эти нити — дурная привычка одного лишь Жителя Южных гор. — Житель Южных гор — так называл себя житель Древнего Китая, продавец лекарств Ван Шоу-и. Он всегда ходил с палкой и по пути сбивал ею паутину. При этом он говорил: «Я потому сбиваю паутину, что все животные добывают себе пропитание трудом, а паук — хитростью».

Желая высмеять человеческую глупость, Чжуан-цзы оговорил меня. — У китайского философа Чжуан-цзы есть притча о богомоле, который, сложив лапы наподобие секиры, пытался остановить колесницу бога грома. Притча высмеивает людей, переоценивающих свои силы.

Зеленый терем красоток. — Так называли в Корее «веселые дома».

Чиге — приспособление для перенесения тяжестей на спине.

..*Дунфан Шо жил три тысячи лет.* — Дунфан Шо, приближенный китайского императора У-ди (II в. до н. э.), поэт и писатель, прославился своим остроумием. С именем Дунфан Шо связано много легенд, по некоторым из них, он прожил будто бы более трех тысяч лет.

...равнодушно *выслушиваем насмешки поэтов.* — Имеется в виду песня «Синяя муха» из «Шицзина», где выведен образ клеветника, наговоры которого подобны надоедливому жужжанию мухи.

Святая Дева — богиня луны Хэн-э.

На спине могу удержать я Три священных горы. — Существует миф о трех горах-островах (Инчжоу, Фанчжан и Пэнлай), которые плавают в Восточном море, поддерживаемые гигантскими черепахами. По преданию, на этих горах растет трава бессмертия.

Сын Неба. — Так называли в Китае императора.

«*Насекомое из собачьего дерьма*» — буквальный перевод корейского слова кэттонполлэ — «светлячок».

Пять отношений — основы конфуцианской морали: взаимоотношения между государем и вассалом, родителями и детьми, мужем и женой, старшими и младшими в семье, а также между друзьями.

Лян — старинная китайская мера веса, а также денежная единица.